

ее ото всюду, гдѣ находитъ. — Вообще, міръ такъ уже старъ, и уже тысячи лѣтъ столько замѣчательныхъ людей и жило, и думало, что мало можно найти и высказать новаго. И моя теорія цвѣтовъ не вполнѣ нова. Платонъ, Леонардо да Винчи и много другихъ серьезныхъ людей раньше меня открыли и высказали многія частности; моя заслуга въ томъ, что я нашелъ то же, и высказалъ вновь, и стремился къ тому, чтобъ дать доступъ правдѣ въ смущенный міръ. — И притомъ, правду слѣдуетъ повторять постоянно, потому что заблужденіе постоянно проповѣдуется вокругъ насъ, и притомъ не отдѣльными лицами, а массой. Въ газетахъ и энциклопедіяхъ, въ школахъ и университетахъ, всюду заблужденіе держится на верху, и ему покойно и удобно въ умахъ большинства, которое все на его сторонѣ. — Часто правда и заблужденіе излагаются одновременно, и послѣднему отдается предпочтеніе. Такъ, на дняхъ я прочелъ въ англійской энциклопедіи ученіе о происхожденіи голубого цвѣта. Сначала слѣдовалъ правильный взглядъ Леонарда да Винчи; но за нимъ съ великимъ спокойствіемъ излагалось заблужденіе Ньютона, и притомъ съ замѣчаніемъ, что слѣдуетъ держаться послѣдняго, потому что оно принято всѣми.

Я былъ удивленъ, и невольно засмѣялся, услышавъ это.

— Любая свѣчка, или освѣщенный дымъ, когда позади его находится темная стѣнка, сказалъ я, — утренний туманъ, когда онъ лежитъ передъ темнымъ фономъ, ежедневно убѣждаютъ меня, какъ образуется синій цвѣтъ и объясняютъ мнѣ синеву неба. Объясненіе же Ньютоновыхъ учениковъ, будто воздухъ обладаетъ свойствомъ поглощать всѣ другіе

цвѣта, и отражать только синій, мнѣ вполнѣ непонятно, и я не вижу, какая польза и радость въ такомъ ученіи, гдѣ мысль вполнѣ неподвижна и гдѣ исчезаетъ всякое здоровое воззрѣніе.

— Добрая душа, сказалъ Гете, — людямъ нечего дѣлать съ мыслями и воззрѣніями. Они довольны и тѣмъ, что есть слова, которыми они обмѣниваются; это зналъ еще мой Мефистофель, и не дурно о томъ выразился:

И вообще: во всемъ держитесь слова;
Дорога торная тогда для васъ готова
Къ познанью твердому всего...
Коль скоро недочетъ въ понятіяхъ случится,
Ихъ можно словомъ замѣнить ¹⁾.

Гете смѣясь продекламировалъ это мѣсто, и вообще былъ, повидимому, въ отличномъ настроеніи.

— Хорошо, что все это уже напечатано, сказалъ онъ, — и я стану продолжать печатать все, что есть на сердцѣ противъ лживыхъ ученій и ихъ распространителей. Теперь, продолжалъ онъ помолчавъ, — способные люди продолжаютъ заниматься естественными науками, и меня это радуетъ. Одни начинаютъ хорошо, но не могутъ удержаться: въ нихъ преобладаетъ субъективность и ведетъ ихъ къ ошибкамъ. Другіе опять черезчуръ придерживаются фактовъ, и собираютъ ихъ безчисленное множество, но ничего тѣмъ не доказываютъ. Вообще, не достаетъ теоретическаго ума, который былъ бы способенъ дойти до первичныхъ явленій и стать властелиномъ отдѣльныхъ проявленій ²⁾.

¹⁾ По переводу г. Холодковского, *Фаустъ*, I, Кабинетъ Фауста (Мефистофель и ученикъ).

²⁾ Ср. Часть I, стр. 333.

Короткій визитъ прервалъ нашъ разговоръ; но вскорѣ мы опять остались вдвоемъ. Разговоръ обратился къ поэзіи, и я сказалъ Гете, что на дняхъ перечитывалъ его небольшія поэмы, и особенно остановился на двухъ, именно на балладѣ о дѣтяхъ и старикѣ ¹⁾ и на *Счастливыхъ супругахъ*.

— Я самъ считаю обѣ эти вещи за кое-что, сказалъ Гете, — хотя нѣмецкая публика до сихъ поръ не знаетъ, что съ ними дѣлать.

— Въ балладѣ, сказалъ я, — весьма богатый сюжетъ изображенъ съ огромной сжатостью, благодаря поэтической формѣ и художественнымъ приемамъ, изъ которыхъ я особенно цѣню тотъ, что старикъ рассказываетъ дѣтямъ прошлую исторію какъ разъ до того пункта, гдѣ происходитъ настоящее, и остальное уже развивается передъ нашими глазами.

— Я долго вынашивалъ эту балладу, прежде чѣмъ написалъ; я цѣлые годы обдумывалъ ее, и начиналъ писать ее три или четыре раза, пока наконецъ она не написалась такъ, какъ теперь.

— Стихотвореніе *Счастливые супруги* также очень богато мотивами; въ немъ являются цѣлые ландшафты, предъ нами проходитъ жизнь людей, и все согрѣто и освѣщено солнечнымъ сіяніемъ прелестнаго весенняго дня.

— Я всегда любилъ это стихотвореніе, сказалъ Гете — и меня радуетъ, что вы имъ такъ заинтересовались. И шутка на счетъ двойныхъ крестинъ мнѣ казалась довольно удачной.

Затѣмъ мы перешли къ *Bürgergeneral* (гражданинъ-

¹⁾ Баллада объ изнанномъ и соротившемся графахъ. См. въ изданіи Гербеля, въ переводѣ г. Холодковскаго.

генераль), и я рассказал Гете, что читалъ на дняхъ эту веселую піесу съ однимъ англичаниномъ, и что намъ обоимъ сильно захотѣлось увидать ее въ театрѣ.

— По духу, она ничуть не устарѣла, сказалъ я, — и въ подробностяхъ драматическаго развитія нѣтъ ни одной черты, которая не имѣла бы въ виду сцены.

— Въ свое время она была хорошей піесой, сказалъ Гете, — и доставила намъ не одинъ веселый вечеръ. Конечно, въ ней были удачно распредѣлены роли, и она была такъ отлично разучена, что разговоръ шелъ безъ запинки, вполне живо. Малькольми игралъ Мертена, и лучше и вообразить нельзя.

— Мнѣ кажется также чрезвычайно удачной роль Шнапса, сказалъ я; — по моему, въ репертуарѣ немного ролей лучше и благодарнѣе. Въ этой фигурѣ, какъ и во всей піесѣ, все такъ ясно и живо, какъ требуется въ театрѣ. Сцена, гдѣ онъ входитъ съ чемоданомъ и вынимаетъ вещи одну за другою, гдѣ онъ приклеиваетъ Мертену усы и самъ одѣвается въ форму, со шпагой и фригійскимъ колпакомъ на головѣ, — принадлежитъ къ самымъ лучшимъ.

— Эта сцена въ былое время выходила очень удачно на нашей сценѣ. Къ этому прибавлялось еще то обстоятельство, что чемоданъ съ вещами былъ историческій. Именно, я нашелъ его во время революціи на французской границѣ, черезъ которую бѣжали эмигранты; его кто-нибудь, вѣроятно, потерялъ или выбросилъ. Въ немъ были тѣ же самыя вещи, какъ и въ піесѣ; я на основаніи ихъ и написалъ сцену, и чемоданъ со всѣмъ содержимымъ, къ немалому удовольствію нашихъ актеровъ,

фигурировалъ на сценѣ всякій разъ, какъ давалась піеса.

Мы поговорили еще о томъ, можно ли и теперь съ интересомъ и пользою смотрѣть эту піесу. Затѣмъ Гете освѣдомился о моихъ успѣхахъ во французской литературѣ, и я сказалъ ему, что до сихъ поръ все еще занимаюсь Вольтеромъ, и что его большой талантъ доставляетъ мнѣ истинное наслажденіе.

— Я все еще мало его знаю, сказалъ я;—я все еще держусь въ кругѣ его небольшихъ стихотвореній къ различнымъ лицамъ; я читаю и перечитываю ихъ, и не могу съ ними разстаться.

— Конечно, сказалъ Гете,—все хорошо, что написано такимъ большимъ талантомъ, какъ Вольтеръ, хотя я и не выношу нѣкоторыхъ его дерзостей. Но вы не неправы останавливаясь такъ долго на его небольшихъ стихотвореніяхъ къ лицамъ; они безъ сомнѣнія принадлежатъ къ самымъ лучшимъ его вещамъ. Въ нихъ нѣтъ ни строчки, которая не была бы полна остроумія, ясности, веселости и прелести.

— Изъ нихъ видны его отношенія ко всѣмъ великимъ и сильнымъ земли, и съ удовольствіемъ замѣчаешь, что самъ Вольтеръ является въ нихъ значительнымъ лицомъ: онъ, по видимому, чувствуетъ себя наравнѣ съ высочайшими особами и никогда, ни на мгновеніе, его свободный духъ не смущается ни передъ какимъ величествомъ.

— Да, сказалъ Гете,—онъ былъ значительнымъ лицомъ. И при всей своей вольности и смѣлости, умѣлъ держаться въ предѣлахъ благопристойности, что часто бываетъ труднѣе. Я могу сослаться на австрійскую императрицу, какъ на авторитетъ въ такихъ вещахъ; она очень часто повторяла мнѣ

что въ стихотвореніяхъ Вольтера къ августѣйшимъ особамъ нѣтъ и слѣда, гдѣ бы онъ хотя чуть-чуть отступилъ отъ благопристойности.

— Помните ли, ваше превосходительство, то стихотвореніе, гдѣ онъ очень искусно объясняется въ любви прусской принцессѣ, впослѣдствіи королевѣ шведской; онъ говоритъ въ немъ, будто видѣлъ во снѣ, что его возвели въ королевское достоинство?

— Это одно изъ превосходнѣйшихъ его стихотвореній, сказалъ Гете, и продекламировалъ:

Je vous aime, princesse, et j'osais vous le dire.
Les Dieux à mon reveil ne m'ont pas tout ôté,
Je n'ai perdu que mon empire.

— Какъ мило! И притомъ, продолжалъ Гете, — не было поэта, у котораго талантъ всегда былъ бы такъ къ его услугамъ, какъ у Вольтера. Я вспомнилъ анекдотъ на этотъ счетъ. Вольтеръ довольно долго гостилъ у своего друга, m-me du Chatelet, и въ минуту отъѣзда, когда онъ уже стоялъ у двери кареты, получилъ письмо отъ молодыхъ дѣвицъ сосѣдняго монастыря; онѣ хотѣли въ день рожденія своей абатессы сыграть *Смерть Юлія Цезаря* и просили, чтобъ онъ написалъ прологъ. Случай былъ такого рода, что Вольтеру нельзя было отклонить просьбы; онъ, тотчасъ же спросилъ бумаги и перо, и стоя у камина написалъ прологъ. Это стихотвореніе, строкъ въ двадцать, вполне обдуманное и законченное, вполне подходящее къ данному случаю, словомъ первостепенное.

— Мнѣ бы очень хотѣлось прочесть его, сказалъ я.

— Сомнѣваюсь, чтобъ оно было въ вашемъ изданіи; оно недавно обнаружено; онъ сотнями пи-

салъ такія стихотворенія, и нѣкоторыя изъ нихъ до сихъ поръ еще остаются въ частномъ владѣнн.

— Я на дняхъ нашелъ у лорда Байрона мѣсто, откуда съ удовольствіемъ увидѣлъ, что онъ имѣлъ большое уваженіе къ Вольтеру. Изъ него видно также, какъ много онъ читалъ и изучалъ Вольтера, и пользовался имъ¹⁾.

— Байронъ слишкомъ хорошо зналъ, откуда можно черпать, и былъ слишкомъ уменъ, чтобъ не черпать изъ этого общаго источника свѣта.

Затѣмъ разговоръ перешелъ къ Байрону и отдѣльнымъ его произведеніямъ, причемъ Гете имѣлъ не одинъ случай снова выразить свое удивленіе и признаніе этого великаго таланта.

— Я сердечно согласенъ со всѣмъ, что ваше превосходительство говорите о Байронѣ; но, какъ ни значителенъ и ни великъ его поэтическій талантъ, я все таки весьма сомнѣваюсь, чтобъ изъ его произведеній проистекала несомнѣнная польза для чистаго развитія человѣчества.

— Въ этомъ я съ вами не согласенъ, возразилъ Гете.—Развѣ смѣлость, отвага и грандіозность Байрона не могутъ дѣйствовать образовательно? Мы должны быть осторожны, и не отыскивать образовательныхъ качествъ только въ чистомъ и нравственномъ. Все *великое* дѣйствуетъ образовательно, если только мы сумѣемъ усмотрѣть его.

¹⁾ «Lord Byron a beaucoup d'esprit et de l'esprit très varié... il a bien lu Voltaire, et il l'imite souvent». (Шатобрианъ).

1829.

Среда, 4-го февраля 1829.

— Я продолжаю читать Шубарта¹⁾, сказалъ Гете;—онъ, по-истинѣ, замѣчательный человѣкъ, и высказываетъ часто превосходныя вещи, только ихъ надо умѣть переводить на свой языкъ. Главное направленіе его книги въ слѣдующемъ: есть точка зрѣнія внѣ философіи, именно здравый человѣческій разсудокъ; искусство и наука достигаютъ лучшихъ успѣховъ независимо отъ философіи, при помощи свободнаго дѣйствія естественныхъ человѣческихъ силъ. Это какъ разъ вода для нашей мельницы²⁾. Я всегда держался въ сторонѣ отъ философіи: точка зрѣнія здраваго человѣческаго разсудка была моею, и Шубартъ такимъ образомъ подтверждаетъ то, что я всю жизнь высказывалъ и дѣлалъ.— Я не могу его похвалить только за одно: онъ нѣкоторыя вещи знаетъ лучше, чѣмъ высказываетъ, и за то еще, что онъ не всегда честно приступаетъ къ дѣлу. Такъ, подобно Гегелю, онъ къ философіи примѣшиваетъ христіанскую религію, которой тутъ нечего дѣлать. Христіанская религія сама по себѣ могущественная сила; при помощи ея, отъ времени до времени, вновь оживлялось страдающее и погибающее человѣчество; и когда признаешь за нею такое вліяніе, то она ока-

¹⁾ Карлъ Эрнестъ Шубартъ обнародовалъ тогда вмѣстѣ съ К. А. Карганико сочиненіе «О философіи вообще и Гегелевой энциклопедіи философскихъ наукъ въ особенности. (*Ueber Philosophie überhaupt und Hegel's Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften insbesondere*)».

²⁾ Пословица.

зывается возвышеннѣе всякой философіи и не требуетъ ей поддержки. Равнымъ образомъ, для философа не нужны религіозныя воззрѣнія ради доказательства извѣстныхъ ученій, на примѣръ, вѣчной жизни. Человѣкъ долженъ вѣровать въ безсмертіе, и имѣетъ на то право,—это свойственно его природѣ, и онъ можетъ основываться на религіозныхъ преданіяхъ; но если *философъ* основываетъ на преданіи безсмертіе нашей души, то это очень слабо и ничего не значитъ. Для меня убѣжденіе въ вѣчной жизни истекаетъ изъ понятія дѣятельности; если я безъ отдыха работаю до конца, то природа обязана даровать мнѣ иную форму существованія, когда нынѣшняя моя форма уже не въ силахъ удерживать мой духъ».

Мое сердце забилося при этихъ словахъ отъ удивленія и любви. «Было ли», думалъ я, «когда либо высказано ученіе, которое возбуждало бы къ благороднымъ дѣламъ такъ, какъ это? Кто не захочетъ безустанно дѣйствовать и работать до конца, чтобъ заслужить гражданство вѣчной жизни?»

Гете приказалъ принести портфель съ собственноручными рисунками художниковъ и гравюрами на мѣди. Онъ, тихо просмотрѣвъ, перевернулъ нѣсколько листовъ, и затѣмъ пододвинулъ ко мнѣ прекрасную гравюру съ картины Остаде.

— Вотъ вамъ сцена изъ нашей «Good man and good wife», сказалъ онъ¹⁾. Я съ удовольствіемъ сталъ разсматривать гравюру. Была изображена внутренность крестьянскаго жилья, гдѣ кухня, столовая и спальня, все помѣщается въ одной комнатѣ. Мужъ и жена

¹⁾ Извѣстное стихотвореніе *Gutmann und Gutweib*, которое при первомъ напечатаніи носило приписку «старошотландское».

сидять неподалеку другъ противъ друга; жена прядетъ, мужъ наматываетъ пряжу; у ихъ ногъ мальчишка. На заднемъ планѣ стоитъ кровать; всюду самая грубая, необходимѣйшая утварь; дверь ведетъ въ поле. Картина прекрасно передаетъ идею ограниченнаго супружескаго счастья; довольство, покой и извѣстное пресыщеніе любовными чувствами видны на лицахъ обоихъ смотрящихъ другъ на друга супруговъ.

— Чѣмъ дальше смотришь на эту картину, тѣмъ становишься довольнѣе въ душѣ, сказалъ я;—въ ней есть особаго рода прелесть.

— Это прелесть чувственности, сказалъ Гете;—ни одно искусство не можетъ обойтись безъ нея, и она вполнѣ господствуетъ въ сюжетахъ такого рода. Наоборотъ, когда художникъ стремится къ идеалу, и изображаетъ высокое настроеніе, то трудно, чтобъ изображеніе сопровождалось соотвѣтствующей чувственностью, и чтобъ оно не было холодно и сухо. Въ этомъ случаѣ—юность или старость могутъ и помочь, и повредить художнику, а потому онъ долженъ обдумывать и согласно возрасту избирать сюжеты. Мнѣ удалось *Ифигенія* и *Тассо*, потому что я былъ довольно молодъ и могъ, поэтому, привнести свою чувственность и оживить ею идеальный сюжетъ. Теперь, въ старости, такіе идеальные сюжеты мнѣ не подходятъ, и я поступлю, можетъ быть, благоразумнѣе, избирая такіе, въ которыхъ уже заключается извѣстная чувственность. Если Генасты ¹⁾ останутся здѣсь, то я напишу вамъ двѣ

¹⁾ Супруги Генастъ принадлежали къ лучшимъ актерамъ Веймарскаго театра. Г. Генастъ былъ режиссеромъ. Его сынъ, подъ заглавіемъ *Изъ дневника стараго актера* (Aus dem Tagebuch eines alten Schauspielers), издалъ интересную книгу, гдѣ

піесы, обѣ одноактныя и въ прозѣ; одна въ веселомъ родѣ и кончается свадьбой, другая—мрачная и потрясающая и въ концѣ останутся два трупа. Послѣдняя ведетъ свое начало еще со временъ Шиллера, и онъ по моей просьбѣ написалъ тогда же одну сцену. Оба сюжета я уже давно обдумалъ, и они настолько готовы, что я каждую продиктую въ недѣлю, какъ то было съ моимъ *Bürgergeneral*.

— Во всякомъ случаѣ, напишите обѣ піесы; послѣ *Годовъ Странствія* это освѣжитъ васъ и подѣйствуетъ, какъ небольшое путешествіе. И какъ всѣ обрадуются, когда вы напишете еще что-нибудь для театра: этого никто не ожидаетъ.

— Повторяю, если Генасты останутся здѣсь, то весьма возможно, что я и откину эту шутку. Но безъ этой надежды, въ работѣ не будетъ никакой

есть много подробностей о лучшихъ дняхъ Веймарскаго театра. Вотъ, между прочимъ, анекдотъ, указывающій, какъ Гете относился къ актерамъ. «На первой репетиціи *Зенобіи*, Унцельманнъ, одинъ изъ любимцевъ Гете, выпелъ съ ролью въ рукахъ и сталъ ее читать по тетради. Едва онъ началъ, какъ изъ директорской ложи, въ глубинѣ партера, послышался голосъ Гете: «Я не привыкъ къ тому, чтобъ читали по ролямъ!» Унцельманнъ извинился, сказавъ, что его жена больна уже нѣсколько дней и у него не было времени выучить роль. «Въ суткахъ, считая ночь, двадцать четыре часа!» сказалъ Гете. Тогда Унцельманнъ подошелъ къ рамѣ и сказалъ: «Ваше превосходительство вполне правы; въ суткахъ, считая ночь, двадцать четыре часа, но, если государственные люди и поэты нуждаются въ ночномъ отдыхѣ, то онъ необходимъ также и для бѣдныхъ актеровъ, которымъ приходится порой отпускать шутки, когда сердце обливается кровью. Вашему превосходительству извѣстно, что я всегда исправенъ; и меня можно сегодня извинить». Этотъ смѣлый отвѣтъ удивилъ всѣхъ; всѣ затихли, ожидая что-то будетъ. Черезъ секунду вновь раздался могучій голосъ Гете: «Отвѣтъ удовлетворителенъ! Дальше!»

прелести: піеса на бумагѣ ничего не значить. Поэтъ долженъ знать средства, при помощи которыхъ хочетъ произвести впечатлѣніе, и онъ долженъ писать роли по сложенію тѣхъ, кто ихъ будетъ играть. Если бъ я могъ разсчитывать на Генаста и его жену, да вдобавокъ на Ла-Роша, г. Винтерберга и m-me Зейдель, то я зналъ бы, что дѣлать, и могъ бы быть увѣренъ, что мои намѣренія будутъ выполнены. Писать для театра, продолжалъ Гете, — дѣло особаго рода, и кто его до точки не знаетъ, тому не слѣдуетъ и браться за него. Думаютъ, что интересный фактъ будетъ интересенъ и на сценѣ: напрасно! Вещь можетъ быть хороша въ чтеніи, хороша когда самъ себѣ ее представляешь, но на сценѣ она окажется совсѣмъ иной и что насъ восхищаетъ въ книгѣ, быть можетъ, нисколько не задѣнетъ насъ со сцены. Читая моего *Германа и Доротею*, думаютъ, что они выйдутъ и на сценѣ. Теспферъ ¹⁾ этимъ соблазнился; но что же выходитъ? Какое получается впечатлѣніе, особенно если піеса исполняется не вполне превосходно, и кто скажетъ, что она во всѣхъ отношеніяхъ хорошая піеса? Писать для театра — особое ремесло, которое надо знать, и сверхъ того требуется наличный талантъ. И то и другое рѣдко, и, если они не совмѣстны, то трудно ждать чего-нибудь хорошаго.

Понедѣльникъ, 9-го февраля 1829.

Гете много говорилъ объ *Избирательномъ средствѣ*, особенно о томъ, что кто-то нашелъ будто Митлеръ похожъ на него, хотя Гете раньше не зналъ

¹⁾ Драматическій берлинскій писатель.

и не видѣлъ этого человѣка. «Значить», сказалъ онъ, «въ характерѣ есть доля правды, онъ встрѣчается въ природѣ не разъ. Въ *Избирательномъ сродствѣ* вообще нѣтъ ни строчки, которой бы я самъ не пережилъ, и въ немъ содержанія больше, чѣмъ то можно замѣтить, прочтя романъ одинъ разъ».

Вторникъ, 10-го февраля 1829.

При моемъ входѣ Гете сидѣлъ, окруженный картами и планами предполагаемой Бременской гавани; онъ особенно заинтересованъ этимъ громаднымъ предпріятіемъ¹⁾.

Затѣмъ много говорили о Меркѣ; Гете показалъ мнѣ поэтическое посланіе Мерка къ Виланду 1776 г., въ очень остроумныхъ, но нѣсколько грубыхъ стихахъ. Очень веселое содержаніе направлено особенно противъ Якоби, котораго Виландъ, по видимому, черзчуръ расхвалилъ въ *Меркурии* въ любезной рецензій, — чего Меркъ не могъ ему простить. О состояніи тогдашней образованности, и какъ трудно было перейти отъ такъ-называемаго періода бурь и порывовъ къ болѣе высокому развитію. О первыхъ годахъ своего житья въ Веймарѣ. Поэтическій талантъ въ столкновеніи съ дѣйствительностью, которую онъ былъ принужденъ вмѣстить въ себѣ, благодаря своему положенію при дворѣ и различнымъ отраслямъ государственной службѣ. Поэтому, въ первые десять лѣтъ, онъ не произвелъ ничего замѣчательнаго въ поэтическомъ отношеніи. Читалъ отрывки. Мучался любовными приключеніями. Отецъ

¹⁾ Подобнымъ же образомъ Гете изучалъ планы лондонскаго тунеля.

постоянно былъ недоволенъ тѣмъ, что онъ при дворѣ. Польза отъ того, что онъ не переѣхалъ мѣста жительства, и не былъ принужденъ дважды повторять тѣ же опыты. Бѣгство въ Италію, ради возстановленія поэтическаго творчества. Суевѣріе, что онъ никогда не уѣдетъ, если кто-нибудь будетъ знать о его намѣреніи. Отсюда — глубокая тайна. Написалъ герцогу изъ Рима. — Возвращеніе изъ Италіи; большія требованія отъ самого себя. — Герцогиня Амалия. Вполнѣ государыня; вполнѣ чловѣческія чувства и склонность къ наслажденію жизнью. Она очень любила его мать и желала, чтобъ та навсегда поселилась въ Веймарѣ. Онъ былъ противъ этого. — О первыхъ наброскахъ *Фауста*.

«*Фаустъ* зародился вмѣстѣ съ *Вертеромъ*; я привезъ его въ 1775 г. съ собою въ Веймаръ. Я написалъ его на почтовой бумагѣ и ничего не перечеркивалъ; я остерегался написать строку, которая была бы не хороша и не могла остаться».

Среда, 11-го февраля 1829.

Обѣдалъ у Гете съ главнымъ директоромъ построекъ, Кудрэ. Кудрэ много рассказывалъ о женской промышленной школѣ и сиротскомъ институтѣ, какъ о лучшихъ въ этомъ родѣ учрежденіяхъ въ великомъ герцогствѣ; первая основана великой герцогиней, послѣдній — великимъ герцогомъ Карломъ-Августомъ. Много говорили о театральныхъ декораціяхъ и постройкѣ дорогъ. Кудрэ показалъ Гете планъ великогерцогской капеллы. Гете сдѣлалъ замѣчаніе относительно мѣста для великаго герцога; Кудрэ съ нимъ согласился. Послѣ обѣда

Сорэ. Гете показалъ намъ картины г. фонъ-Рейтерна ¹⁾).

Четвергъ, 12-го февраля 1829.

Гете прочелъ мнѣ новое великолѣпное стихотвореніе «Kein Wesen kann zu nichts zerfallen» (ни единое существо не можетъ распасться въ ничто). «Я написалъ эти стихи», сказалъ онъ, въ «противорѣчіе стихотворенію «Denn alles muss zu nichts zerfallen, wenn es im Sein beharren will», которое глупо, и которое, къ моей досадѣ, мои берлинскіе друзья по случаю съѣзда естествоиспытателей начертали золотыми буквами и выставили публично».

О великомъ математикѣ Лагранжѣ, въ которомъ Гете цѣнитъ особенно превосходный характеръ. «Онъ былъ *добрый* человекъ», сказалъ онъ «а потому и великій. Когда добрый человекъ одаренъ талантомъ, то онъ всегда будетъ нравственно работать для спасенія міра, будь онъ художникомъ, естествоиспытателемъ, поэтомъ, или кѣмъ-инымъ. Мнѣ пріятно, продолжалъ Гете, — что вы вчера ближе узнали Кудрэ. Онъ рѣдко высказывается въ обществѣ, но въ тѣсномъ кружкѣ, между нами, вы могли замѣтить, какимъ превосходнымъ умомъ и талантомъ онъ обладаетъ. Вначалѣ онъ возбуждалъ много противорѣчій, но теперь все превозмогъ и пользуется полной благосклонностью и довѣріемъ двора. Кудрэ одинъ изъ искуснѣйшихъ архитекторовъ нашего времени. Онъ держался меня, а я его,

¹⁾ Гергардъ фонъ-Рейтернъ родился въ Лифляндіи въ 1785. Онъ сначала былъ военнымъ и затѣмъ оставилъ службу, чтобъ заниматься искусствомъ. О немъ см. ниже, подъ 1-мъ апрѣля 1831.

и это было полезно намъ обоимъ. Если бъ онъ былъ у меня пятьдесятъ лѣтъ назадъ!»

О познаніяхъ самого Гете въ архитектурѣ. Я замѣтилъ, что онъ, вѣроятно, многому научился въ Италіи. «Я приобрѣлъ тамъ понятіе о важномъ и великомъ», отвѣчалъ онъ, «но не приобрѣлъ умѣнья. Меня подвигнула къ этому постройка веймарскаго дворца. Мнѣ пришлось поработать, и даже рисовать карнизы. Я дѣлалъ это лучше, чѣмъ записные архитекторы, потому что превосходилъ ихъ по замыслу».

Разговоръ перешелъ на Цельтера. «Я получилъ отъ него письмо», сказалъ Гете; «между прочимъ, онъ пишетъ, что исполненіе *Мессии* было испорчено одной изъ его ученицъ, которая спѣла свою арію черезъ чуръ нѣжно, слабо и сентиментально. Слабость одна изъ характерныхъ чертъ нашего вѣка. У меня есть гипотеза, что въ Германіи она слѣдствіе усилія для изгнанія французовъ. Живописцы, натуралисты, архитектора, музыканты, поэты—всѣ, за немногими исключеніями, слабы, и масса не лучше».

— А я все таки не теряю надежды, сказалъ я, услышать подходящую музыку къ *Фаусту*.

— Это не возможно, сказалъ Гете. Музыка по мѣстамъ должна заключать въ себѣ нѣчто отвратительное, противное, страшное, а это не въ духѣ времени. Музыка должна быть въ родѣ, какъ въ *Донъ-Жуаннѣ*; Моцарту слѣдовало бы написать *Фауста*. Мейерберъ, пожалуй, и могъ бы, но не возьмется: онъ слишкомъ связанъ съ италіанскими театрами.

Затѣмъ, не помню ужъ по какому поводу, Гете высказалъ слѣдующую замѣчательную мысль.

«Все великое и умное существуетъ въ меньшинствѣ», сказалъ онъ. «Бывали министры, противъ которыхъ были и народъ, и государь, и они одиноко проводили свои планы. Не слѣдуетъ думать, что разумъ станетъ когда-нибудь популярнѣе. Страсти и чувства могутъ быть популярны, но разумъ всегда будетъ удѣломъ избранныхъ».

Пятница, 13-го февраля 1829.

Обѣдали вдвоемъ съ Гете. «По окончаніи *Годовъ странствія*», сказалъ онъ, «я снова займусь ботаникой, чтобъ вмѣстѣ съ Сорэ подогнать переводъ. Только боюсь, что я опять увлекусь работой, и она опять станетъ для меня горой. Великія тайны еще скрыты; многое я знаю, многое предчувствую. Нѣчто я сообщу вамъ, и выскажусь страннымъ образомъ. Растеніе развивается отъ узла къ узлу, и заканчивается цвѣткомъ и сѣменемъ. Не иное и въ животномъ мірѣ. Гусеница, солитеръ растутъ отъ узла къ узлу и наконецъ образуютъ голову; у высшихъ животныхъ и человѣка позвонки все прибавляются, прибавляются и заканчиваются головою, въ которой сосредоточиваются силы. Что бываетъ у отдѣльныхъ животныхъ, то бываетъ и у цѣлыхъ сожительства. Пчелы представляютъ цѣлый рядъ существъ, которыя связаны между собою; вся ихъ совокупность производитъ нѣчто, которое является заключеніемъ и можетъ быть рассматриваемо какъ голова цѣлаго общества, именно матку. Какъ это совершается—таинственно и труднообъяснимо, но у меня есть на этотъ счетъ свои идеи. Такъ и народъ производитъ героевъ, которые, подобно полубогамъ, стоятъ во главѣ ради его защиты и спасенія; такимъ же образомъ поэтическія силы фран-

цузовъ соединяются въ Вольтерѣ. Такіе народныя головы велики въ поколѣніи, когда дѣйствуютъ; нѣкоторые держатся дольше, большинство же замѣняется другими и забывается въ послѣдующія времена».

Я радовался, слыша эти замѣчательныя мысли. Гете затѣмъ заговорилъ о естествоиспытателяхъ, которые пуще всего заботятся о томъ, чтобъ доказать свои мнѣнія.

«Г. фонъ-Бухъ», сказалъ онъ, «выдалъ новое сочиненіе, въ самомъ заглавіи котораго уже заключается гипотеза. Его сочиненіе посвящено гранитнымъ валунамъ, которые лежатъ по мѣстамъ, неизвѣстно какъ и почему. Но на щитѣ г. фонъ-Буха начертана гипотеза, что эти гранитныя валуны выброшены изнутри земли и разбросаны по поверхности какой-нибудь страшной силой, а потому и заглавіе гласитъ объ этомъ; онъ ихъ называетъ тамъ разбросанными валунами, а отсюда уже шагъ до разбрасыванія, и такъ-то простодушный читатель, самъ не зная какимъ образомъ, попадаетъ въ сѣти заблужденія.

«Надо быть старикомъ, чтобъ видѣть все это, и надо имѣть довольно денегъ, чтобъ быть въ состояніи платить за свои опыты. Каждое «словцо», которое я говорю, стоитъ мнѣ цѣлаго кошелька денегъ; черезъ мои руки прошло съ полъ милліона моего личнаго состоянія, пока я узналъ то, что знаю теперь; не только все состояніе моего отца, но все мое жалованье и мой значительный литературный гонораръ болѣе чѣмъ за пятьдесятъ лѣтъ. Сверхъ того, около полутора милліона было издержано царственными особами на великія предпріятія,

къ которымъ я стоялъ близко, принимая участіе въ ихъ ходѣ, удачахъ и неудачахъ.

«Не довольно имѣть талантъ,—надо приобрести умѣлость; надо также обладать большими связями и имѣть случай видѣть карты играющихъ, и самому играть въ прибыль и убытокъ.

«Не занимайся я естественными науками, я никогда бы не узналъ—каковы люди. Ни въ какой другой области нельзя до такой степени прослѣдить чистое воззрѣніе и мышленіе, ошибки чувствъ и ума, слабость и силу характера; всюду все болѣе или менѣе шатко и неустойчиво, со всякимъ можно болѣе или менѣе сговориться; но природа не допускаетъ шутокъ, она всегда правдива, всегда серьезна и строга; она вся правда: ошибки и заблужденія всегда зависятъ отъ людей. Она презираетъ неспособныхъ, и отдается и открываетъ свои тайны только способнымъ, правдивымъ и чистымъ.

«Разсудокъ не достигаетъ до нея; человѣкъ долженъ быть способенъ возвыситься до высочайшаго разума, дабы прикоснуться къ божеству, которое открывается въ первичныхъ явленіяхъ, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ; оно скрывается за ними и они исходятъ отъ него. Но божество проявляется въ живомъ, а не въ мертвомъ; оно въ томъ, что растетъ и преобразуется, а не въ томъ, что отжило и закаменѣло. Поэтому-то разумъ въ своемъ стремленіи къ божеству имѣетъ дѣло съ тѣмъ, что развивается и живетъ; разсудокъ же съ тѣмъ, что уже не живетъ, что окаменѣло и изъ чего можетъ извлечь пользу. Поэтому минералогія—разсудочная наука, наука для практической жизни; ея предметъ—нѣчто мертвое, уже болѣе не развивающееся, и въ ней нечего и думать о синтезѣ.

Предметъ метеорологіи нѣчто живое; мы ежедневно видимъ, какъ оно дѣйствуетъ и производитъ; оно предполагаетъ синтезъ; но содѣйствующія силы столь разнообразны, что человѣкъ не доросъ до такого синтеза, и поэтому бесполезно утомляется въ наблюденіяхъ и изысканіяхъ. Тутъ мы прямо плывемъ къ гипотезамъ, къ воображаемымъ островамъ, но собственно синтезъ, вѣроятно, останется неоткрытой землей. И меня это не удивляетъ, когда я подумаю, какъ трудно достигнуть до надлежащаго синтеза въ такихъ простыхъ вещахъ, какъ растенія и цвѣта».

Воскресенье, 15-го февраля 1829.

Гете осыпалъ меня похвалами за мою редакцію естественной историческихъ афоризмовъ для *Годовъ Странствія*.

— Обратитесь къ природѣ, сказалъ онъ, — вы для этого рождены, и напишите затѣмъ краткое изложеніе *Теоріи цвѣтовъ*.

Вторникъ, 17-го февраля 1829.

Много говорили о *Великомъ Контѣ*.

— Лафатеръ, замѣтилъ Гете, — вѣрилъ въ Калиостро и его чудеса. Когда его обманы были открыты, то Лафатеръ увѣрялъ, будто это другой Калиостро, а чудотворецъ Калиостро — святой человѣкъ. Лафатеръ былъ сердечно добрый человѣкъ, но страшно поддавался обманамъ; вполнѣ строгая правда была не его дѣломъ: онъ обманывалъ и себя, и другихъ. Поэтому мы наконецъ пришли къ полному разрыву. Послѣдній разъ я видѣлъ его въ Цюрихѣ, но онъ меня не видѣлъ. Я шелъ переодѣтый по аллеѣ, и увидѣлъ что онъ идетъ на встрѣчу; я повернулъ въ сторону, и онъ прошелъ, не замѣтивъ меня. По-

ходка у него была журавлиная, почему онъ на Блоксбергѣ является въ видѣ журавля¹⁾).

Я спросилъ Гете, было ли у Лафатера стремленіе къ изученію природы, какъ то можно предположить на основаніи его *Физиономики*.

— Отнюдь нѣтъ, отвѣчалъ Гете,—у него было стремленіе къ морали и религіи. Что Лафатеръ говоритъ въ своей *Физиономикѣ* о черепѣ животныхъ—принадлежитъ мнѣ.

Разговоръ перешелъ къ французамъ, къ лекціямъ Гизо, Вильмена и Кузена; Гете съ великимъ уваженіемъ говорилъ объ исходной точкѣ этихъ ученыхъ, что всѣ они свободно разсматриваютъ предметъ съ новой стороны, и идутъ прямо къ цѣли.

— Это похоже на то, сказалъ онъ,—какъ еслибъ до сихъ поръ въ садѣ входили окольными и обходными дорожками; они же оказались настолько смѣлы и свободны, что проломали стѣну и устроили калитку въ такомъ мѣстѣ, что прямо выходишь на самую широкую въ саду дорожку.

Отъ Кузена мы перешли къ индійской философіи.

— Эта философія, сказалъ Гете,—если сообщенія англичанъ вѣрны, вовсе не чужда намъ; скорѣе въ ней повторяются всѣ эпохи, которыя всѣ мы переживаемъ сами. Пока мы дѣти, мы сенсуалисты; когда любимъ—становимся идеалистами и влагаемъ въ любимый предметъ такія качества, какихъ въ немъ собственно нѣтъ; чуть заколеблется любовь, мы начинаемъ сомнѣваться въ вѣрности, и становимся скептиками, скорѣй чѣмъ думаемъ; къ остальной жизни мы равнодушны: пусть все идетъ, какъ

¹⁾ Фаустъ, II, с. IV.

ему угодно, и мы заканчиваемъ квіетизмомъ такъ же, какъ индійскіе философы.

«Нѣмецкой философіи остается сдѣлать еще два великія дѣла. Кантъ написалъ *Критику чистаго разума*, чѣмъ оказалъ безконечную услугу, но кругъ еще не завершёнъ. Теперь требуется, чтобъ способный и значительный человѣкъ написалъ критику чувства и человѣческаго пониманія, и если это будетъ какъ слѣдуетъ сдѣлано, то отъ нѣмецкой философіи не много придется требовать.—Гегель, продолжалъ Гете, — напечаталъ въ *Berliner Jahrbüchern* рецензію на Гаманна; я прочелъ ее и перечелъ на дняхъ, и долженъ ее весьма похвалить¹⁾. Сужденіе Гегеля, какъ критика, всегда хороши. — Вильмень, какъ критикъ, также стоитъ очень высоко. У французовъ никогда не будетъ таланта, равнаго Вольтеру; но про Вильмена можно сказать, что у него точка зрѣнія возвышеннѣе, чѣмъ у Вольтера, а потому онъ можетъ судить о достоинствахъ и недостаткахъ Вольтера.

Среда, 18-го февраля 1829.

Мы говорили о теоріи цвѣтовъ, и между прочимъ о стаканахъ, въ которыхъ матовыя фигуры кажутся противъ свѣта желтыми, а противъ тьмы голубыми, и которые, такимъ образомъ, позволяютъ наблюдать первичное явленіе.

«Высшее, чего можетъ достигнуть человѣкъ», сказалъ при этомъ случаѣ Гете, «есть чувство изумленія, и когда первичное явленіе приводитъ его въ изумленіе, то онъ долженъ быть доволенъ: высшее ему не достижимо, и ему не слѣдуетъ искать даль-

¹⁾ См. выше подъ 4-мъ февр., 1829.

нѣйшаго; тутъ граница. Но обычно прямого созерцанія первичнаго явленія не достаточно для людей; они полагаютъ, что слѣдуетъ идти дальше и, подобно дѣтямъ, поглядѣвъ въ зеркало, поварачиваютъ его, чтобъ увидѣть, что тамъ такое, на другой сторонѣ».

Разговоръ перешелъ къ Мерку, и я спросилъ, занимался ли Меркъ изученіемъ природы. «О, да», отвѣчалъ Гете, «у него были даже замѣчательныя собранія естественно-историческихъ предметовъ. Меркъ вообще былъ въ высокой степени многосторонній человѣкъ. Онъ любилъ также искусство, и простиралъ любовь до того, что, видя хорошее произведеніе въ рукахъ филистра, который, по его мнѣнію, не умѣлъ его цѣнить, пускался на все, чтобъ залучить вещь въ свою коллекцію. Въ подобныхъ случаяхъ онъ не зналъ совѣсти; всѣ средства были для него хороши, и, если ничто не помогало, то онъ прибѣгалъ къ самому ужасному обману». И Гете разсказалъ нѣсколько примѣровъ.

«Такой человѣкъ, какъ Меркъ», сказалъ Гете, «не можетъ родиться вторично, а если бъ родился, то свѣтъ обращался бы съ нимъ иначе. Вообще, славное время было, когда мы съ Меркомъ были молоды. Нѣмецкая литература была еще бѣлымъ листомъ, на которомъ надѣялись нарисовать много хорошаго. Теперь онъ до того исписанъ и испачканъ, что на него непріятно смотрѣть, и умный человѣкъ не знаетъ, гдѣ бы ему еще что-нибудь написать».

Четвергъ, 19-го февраля 1829.

Обѣдали вдвоемъ съ Гете, въ его кабинетѣ. Онъ былъ очень веселъ и разсказывалъ, что ему сегодня

везло, и что онъ покончилъ удачно дѣло съ Артаріа¹⁾ и дворомъ.

Затѣмъ мы много говорили объ *Эмонтѣ*, котораго вчера давали въ Шиллеровской передѣлкѣ, и о томъ, что піеса пострадала отъ нея.

— Во многихъ отношеніяхъ не хорошо, что выпущена правительница, сказалъ я;—она вполнѣ необходима въ піесѣ. Благодаря принцессѣ, не только все приобрѣтаетъ болѣе возвышенный характеръ, но съ тѣмъ вмѣстѣ яснѣе и рѣзче выступаютъ впередъ политическія отношенія, особенно къ испанскому двору, въ ея разговорѣ съ Макиавелли.

— Несомнѣнно, сказалъ Гете.—И самъ *Эмонтъ* выигрываетъ въ значеніи отъ того блеска, который бросаетъ на него склонность принцессы, а равно и Клерхенъ является болѣе возвышенной, когда мы видимъ, что она, торжествуя даже надъ принцессой, обладаетъ всею любовью Эгмонта. Все это деликатныя подробности, которыя нельзя нарушать безъ вреда цѣлому.

— Мнѣ также кажется, сказалъ я, — что, при большомъ числѣ значительныхъ мужскихъ ролей, одна женская фигура, какъ Клерхенъ, является слабой и подавленной. Принцесса же придаетъ больше равновѣсія всей картинѣ. Что о ней говорится въ піесѣ, того не достаточно: впечатлѣніе производитъ появленіе лица.

— Вы весьма вѣрно оцѣниваете всѣ эти отношенія, сказалъ Гете.—Когда я писалъ піесу, то я, какъ можете себѣ представить, взвѣсилъ все, а потому нечего удивляться, что цѣлое значительно страдаетъ, когда вынута одна изъ главныхъ фигуръ,

¹⁾ Книгопродавецъ-издатель.

которая была задумана въ цѣломъ и которой оно держится. Но въ характерѣ Шиллера было нѣчто властное; онъ часто поступалъ по предвзятой идеѣ, не обращая должнаго вниманія на предметъ, который обрабатывалъ.

— Васъ могутъ осуждать за то, сказалъ я—что вы согласились на это и предоставили ему неограниченную свободу въ такомъ важномъ дѣлѣ.

— Часто бываешь равнодушнѣе, чѣмъ слѣдовало бы, отвѣчалъ Гете. — И, притомъ, я былъ въ то время сильно занятъ другими вещами. Меня не интересовалъ ни *Эмонтъ*, ни театръ; я далъ ему полную волю. Теперь у меня есть по крайности то утѣшеніе, что піеса напечатана, и что есть достаточно разумные театры, гдѣ ее даютъ въ настоящемъ видѣ и цѣликомъ, какъ она написана.

Затѣмъ Гете спросилъ меня, думалъ ли о его предложеніи написать краткое изложеніе *Теоріи цвѣтотвѣ*. Я сказалъ ему, къ чему пришелъ въ этомъ дѣлѣ, и незамѣтно мы впали въ разногласіе, о которомъ я расскажу, въ виду важности предмета.

Люди, наблюдавшіе это явленіе, конечно, при помнѣть, что въ ясные и солнечные зимніе дни тѣни на снѣгу часто кажутся голубыми. Это явленіе въ своей *Теоріи цвѣтотвѣ* Гете относитъ къ числу субъективныхъ, причемъ онъ принимаетъ за основаніе то, что солнечный цвѣтъ доходить до насъ, живущихъ не на вершинахъ высокихъ горъ, не вполнѣ бѣлымъ, но окрашеннымъ слегка въ желтый цвѣтъ, вслѣдствіе прохожденія черезъ болѣе или менѣе влажную атмосферу, и что, такимъ образомъ, снѣгъ, освѣщенный солнцемъ, не вполнѣ бѣлъ, а желтовать, что и побуждаетъ глазъ къ произведенію голубого цвѣта. Занимаясь, ради составленія крат-

каго изложенія, *Теорією цвѣтовъ*, я провѣрилъ на дняхъ сказанное явленіе, и съ нѣкоторымъ изумленіемъ замѣтилъ, что заключеніе Гете основывается на ошибкѣ. Я считалъ составленіе краткаго изложеніе дѣломъ серьезнымъ, а потому, раньше чѣмъ приняться за него, почелъ необходимымъ устранить всѣ ошибки и недоразумѣнія. Сегодня я передалъ ему свои наблюденія и мысли относительно голубыхъ тѣней на снѣгу; но я не умѣю устно излагать предметъ съ достаточной ясностью, а потому ограничился сообщеніемъ результата моихъ наблюденій, не входя въ подробности, которыя думалъ изложить письменно.

Едва я началъ говорить, какъ возвышенно-ясное лицо Гете омрачилось, и я увидѣлъ, что мои возраженія ему непріятны.

— Конечно, сказалъ я,—тотъ, кто хочетъ оспорить ваше превосходительство, долженъ встать пораньше; но можетъ также случиться, что совершеннѣйшій черезъ чуръ поторопится, а несовершеннѣйшій сдѣлаетъ открытіе.

— Точно вы это открыли! отвѣчалъ Гете съ иронической усмѣшкой,—ваша идея объ окрашенномъ цвѣтѣ принадлежитъ еще четырнадцатому столѣтію, а въ остальномъ вы загрозили въ глубинѣ діалектики. Одно въ васъ хорошо: вы, по крайней мѣрѣ, достаточно честны и высказываете прямо то, что думаете. Съ моей теоріей цвѣтовъ, продолжалъ онъ веселѣе и не такъ рѣзко,—происходитъ то же, что съ христіанской религіей. Нѣкоторое время думаешь, что нашелъ вѣрныхъ учениковъ, но раньше, чѣмъ предвидишь, они уже уклоняются и образуютъ секту. Вы такой же еретикъ, какъ и другіе; вѣдь вы не первый, уклоняющійся отъ меня. Я разошелся не

съ однимъ хорошимъ человѣкомъ изъ-за спорныхъ пунктовъ *Теоріи цвѣтовъ*. Съ N. изъ-за..., съ N. N. изъ-за...

И онъ назвалъ нѣсколько извѣстныхъ именъ.

Мы, между тѣмъ, отобѣдали: разговоръ прервался. Гете всталъ и подошелъ къ окну. Я приблизился къ нему и пожалъ ему руку; я люблю его даже тогда, когда онъ ворчитъ, и притомъ я чувствовалъ, что правда на моей сторонѣ, и что я—страдающее лицо. Это скоро прошло, и мы заговорили о постороннихъ вещахъ, и шутили; но когда, уходя, я сказалъ ему, что мои возраженія станутъ доказательнѣе, когда я изложу ихъ письменно, и что только неискусство моего устнаго объясненія было причиною, почему онъ не согласился со мною, то Гете не удержался и, на половину шутя, на половину насмѣхаясь, сказалъ мнѣ на порогѣ нѣсколько словъ на счетъ ереси и еретиковъ.

Быть можетъ, покажется страннымъ, что Гете не выносилъ противорѣчій относительно своей *Теоріи цвѣтовъ*, между тѣмъ, какъ относительно своихъ поэтическихъ произведеній онъ не только допускалъ, но и съ благодарностью принималъ всякое основательное замѣчаніе; на это замѣчу, что разгадка, быть можетъ, разрѣшается тѣмъ, что его поэтическій талантъ былъ вполне признанъ, а за *Теорію цвѣтовъ*, самое обширное и трудное изъ его сочиненій, онъ слышалъ только неодобреніе и порицаніе. Поль-жизни со всѣхъ сторонъ раздавались безразсудныя возраженія, и естественно, что онъ былъ постоянно въ возбужденномъ, воинственномъ состояніи, готовый отражать страстныя нападки. Гете относился къ своей *Теоріи цвѣтовъ* такъ же, какъ добрая мать къ

прекрасному дитяти, котораго она тѣмъ больше любить, чѣмъ меньше его цѣнять другіе.

«Я вовсе не горжусь тѣмъ, что произвелъ, какъ поэтъ», часто говаривалъ онъ. «Въ одно время со мною жили отличные поэты, раньше меня были еще лучше, и будутъ они и послѣ меня. Но я ставлю себѣ въ заслугу, что въ нашъ вѣкъ одинъ зналъ истину въ трудной наукѣ о цвѣтахъ, и поэтому я сознаю, что выше многихъ».

Пятница, 20-го февраля 1829.

Обѣдалъ у Гете. Онъ очень радъ, что кончилъ *Годы странствія*; завтра онъ отсылаетъ ихъ къ издателю. Относительно голубыхъ тѣней на снѣгѣ онъ нѣсколько склоняется къ моему мнѣнію. Говорилъ о своемъ *Путешествіи въ Италію*, которое хочетъ пересмотрѣть.

«Мы точно женщины», сказалъ онъ; «когда онѣ рожаютъ, то даютъ зарокъ не подходить къ мужчине, и раньше, чѣмъ замѣтишь, глядь, онѣ уже снова беременны».

Понедѣльникъ, 23-го марта 1829.

«Я нашелъ въ бумагахъ листокъ», сказалъ нынче Гете, «гдѣ я называю архитектуру заостенѣвшею музыкою. И дѣйствительно, это похоже на правду; настроеніе, въ которое приводитъ насъ архитектура, весьма близко къ впечатлѣнію отъ музыки».

«Великолѣпныя зданія и покои — для государей и богачей. Живя въ нихъ, чувствуешь себя успокоеннымъ и довольнымъ, и больше ничего не желаешь. Это противно моей природѣ. Въ великолѣпномъ помѣщеніи, какое у меня было въ Карлсбадѣ,

я становлюсь лѣнивъ и бездѣтеленъ. Напротивъ, неприглядное помѣщеніе, въ родѣ этой комнаты, гдѣ мы сейчасъ сидимъ, гдѣ въ безпорядкѣ есть нѣкоторый порядокъ, и гдѣ все нѣсколько по цыгански—самое для меня подходящее; тутъ моей натурѣ полная свобода, я могу быть дѣятельнымъ и творить изъ себя».

Мы заговорили о письмахъ Шиллера и объ ихъ совмѣстной жизни, какъ они подбивали и подвигали другъ друга къ работѣ.

— По видимому, сказалъ я,—Шиллеръ принималъ большое участіе и въ *Фаустѣ*; очень мило, какъ онъ побуждаетъ васъ къ работѣ, и достолюбезно, какъ онъ, руководимый собственной мыслью, старается продолжать *Фауста*.—Я при этомъ замѣтилъ, что въ его природѣ было нѣчто торопливое.

— Ваша правда, сказалъ Гете.—Онъ былъ таковъ, какъ всѣ люди, которые черезъ-чуръ идутъ отъ идеи. Онъ не зналъ покоя, и никогда не могъ кончить, какъ то вы можете видѣть изъ писемъ относительно *Вильгельма Мейстера*: онъ хочетъ то одного, то другого. Я долженъ былъ постоянно держать ухо остро, чтобъ охранить и его, и свои вещи отъ подобныхъ вліяній.

— Я сегодня утромъ, сказалъ я, — прочелъ его *Похоронную пѣснь индійцевъ*¹⁾, и восхищался этимъ превосходнымъ стихотвореніемъ.

— Вы видите, отвѣчалъ Гете,—какой великій художникъ былъ Шиллеръ, и какъ умѣлъ онъ схватывать и объективное, когда оно въ видѣ преданія попадалось ему на глаза. Конечно, *Похоронная пѣснь* принадлежитъ къ его самымъ лучшимъ стихотво-

¹⁾ См. превосходный переводъ Мина, въ изданіи Гербеля.

реніямъ, и я желалъ бы только, чтобъ онъ написалъ дюжину въ этомъ родѣ. Но, можете себѣ представить, его ближайшіе друзья хулили это стихотвореніе потому, что, по ихъ мнѣнію, онъ внесъ въ него мало своего идеализма!—Да, мой добрый, приходится страдать отъ друзей. Хулилъ же Гумбольдтъ мою *Доротею* за то, что она, при внезапномъ нападеніи, хватается за оружіе и бросается въ бой! Но безъ этой черты, характеръ этой необыкновенной дѣвушки, какой она и должна была быть въ то время и при тѣхъ обстоятельствахъ, сталъ бы ничтоженъ, и она погрузилась бы въ ряды пошлостей. Но, чѣмъ вы больше будете жить, тѣмъ больше станете убѣждаться, что только немногіе способны понять то, что должно быть, и что всѣ скорѣе только то и хвалятъ и желаютъ видѣть изображеніе только того, что имъ по плечу. И то были первые и лучшіе, а поэтому вы можете себѣ представить, каково было мнѣніе массы... И приходится собственно жить одному ¹⁾).

«Не будь у меня фундамента въ пластическомъ искусствѣ и изученіи природы, трудно было-бы мнѣ въ наше плохое время, при его ежедневномъ вліяніи, удержаться на верху; но это меня защитило, и я могъ придти съ этой стороны на помощь къ Шиллеру».

¹⁾ «Увы! это неотразимая истина, что, чѣмъ болѣе поэтъ становится поэтомъ, чѣмъ болѣе изображаетъ онъ чувства, знакомыя поэтамъ, тѣмъ замѣтнѣе уменьшается кругъ обступившей его толпы, и, наконецъ, такъ становится тѣсенъ, что онъ можетъ перечестъ по пальцамъ всѣхъ своихъ истинныхъ цѣнителей». (*Гюль*, V, стр. 212, по изд. подъ ред. Тихонравова).

Вторникъ, 24-го марта 1829.

«Чѣмъ выше человѣкъ», сказалъ Гете, «тѣмъ болѣе онъ находится подъ вліяніемъ демоновъ, и ему приходится быть всегда на сторожѣ, чтобъ его руководящая воля не сбилась съ пути. Такъ надъ моимъ знакомствомъ съ Шиллеромъ господствовало нѣчто демоническое: мы могли сойтись раньше, или позже; то обстоятельство, что мы сошлись какъ разъ въ то время, когда я возвратился изъ Италіи, а Шиллеръ сталъ томиться философскими умозрѣніями, имѣло особое значеніе и повело къ важнымъ результатамъ для насъ обоихъ».

Четвергъ, 2-го апрѣля 1829.

«Я открою вамъ политическую тайну», сказалъ Гете сегодня за обѣдомъ, «которая рано или поздно обнаружится. Капо д'Истріа не можетъ долго оставаться во главѣ греческихъ дѣлъ: ему не достаеъ одного необходимаго для этого качества—*онъ не солдатъ*. Нѣтъ ни одного примѣра, чтобъ кабинетный человѣкъ смогъ организовать государство въ революціонномъ броженіи и подчинить себѣ военныхъ и полководцевъ. Съ саблей въ рукѣ, во главѣ войска, можно издавать законы, и можно быть увѣреннымъ, что вамъ будутъ повиноваться; но безъ этого — дѣло не вѣрно. Не будь Наполеонъ военнымъ, онъ никогда бы не могъ достигнуть верховной власти, и Капо д'Истріа долго не удержится во главѣ правительства;—скорѣе ему не вдолгѣ придется играть вторую роль. Я говорю вамъ это за-

ранѣ, и вы увидите, что такъ и будетъ; это въ природѣ вещей, и другое—не возможно»¹⁾.

Гете затѣмъ говорилъ о французахъ, особенно о Кузенѣ, Вильменѣ и Гизо. «У этихъ людей огромные умъ, проницательность и осмотрительность», сказалъ онъ; «они соединяютъ полное знаніе прошлаго съ духомъ девятнадцатаго столѣтія, и изъ этого выходитъ просто чудо».

Отсюда мы перешли къ новѣйшимъ французскимъ поэтамъ, и къ значенію терминовъ: *классическій* и *романтический*. «Мнѣ пришло въ голову новое выраженіе, которое не дурно объясняетъ, въ чемъ разница», сказалъ Гете. «Классическимъ я называю все здоровое, а романтическимъ—все больное. Поэтому *Нибелунги* такое же классическое произведеніе, какъ Гомеръ, потому что оба здоровы и крѣпки. Большинство новыхъ поэтовъ не потому романтики, что они новы, но потому, что ихъ произведенія слабы, болѣзненны и больны²⁾; древніе принадлежатъ къ классикамъ не потому, что они древніе, а потому, что они сильны, свѣжи, ясны и здоровы. Если мы по такимъ свойствамъ станемъ различать классическое отъ романтическаго, то дѣло пойдетъ на чистоту».

Разговоръ перешелъ на заключеніе Беранже въ тюрьму.

— Онъ заслужилъ ее, сказалъ Гете. — Въ его послѣднихъ стихахъ нѣтъ ни удержу, ни мѣры; онъ

¹⁾ Капо д'Истрія былъ избранъ президентомъ 2-го апрѣля 1827; онъ былъ убитъ 27-го сентября 1831, за нѣсколько дней до отказа отъ данныхъ ему полномочій.

²⁾ У Пушкина:

Такъ онъ писалъ *темно и вяло*,
Что романтизмомъ мы завемъ.

заслужилъ наказаніе нападками на короля, правительство и на мирный образъ мыслей согражданъ. Его прежнія стихотворенія, напротивъ, веселы и безвредны, и способны развеселить и осчастливить кружокъ людей, а это самое лучшее, что можно сказать про пѣсни.

— Я увѣренъ, сказалъ я,—что окружающіе имѣли на него вредное вліяніе, и что въ угоду своимъ друзьямъ, революціонерамъ, онъ высказалъ многое, чего бы не высказалъ безъ того. Вашему превосходительству слѣдуетъ выполнить свое намѣреніе и написать главу о вліяніяхъ: чѣмъ больше думаешь, тѣмъ предметъ кажется важнѣе и богаче.

— Онъ даже черезчуръ богатъ, сказалъ Гете;—вѣдь въ сущности всё вліяніе, по скольку мы не бываемъ самими собой,

— Слѣдуетъ обратить вниманіе, сказалъ я,—вредно ли или благодатно данное вліяніе; соотвѣтствуетъ ли оно нашей природѣ, и благопріятно ли для нея, или же противно ей.

— Конечно, все сводится къ этому, сказалъ Гете;—но трудность состоитъ въ томъ, чтобъ лучшее въ нашей природѣ держалось крѣпко и не давало бы демонамъ больше власти, чѣмъ слѣдуетъ.

За десертомъ Гете приказалъ поставить на столъ цвѣтушій лавръ и какое-то японское растеніе. Я замѣтилъ, что оба растенія производятъ различныя впечатлѣнія; глядя на лавръ, на душѣ становится веселѣе, легче, кротче и спокойнѣе; японское же растеніе производило дикое и меланхолическое впечатлѣніе.

— Вы не неправы, сказалъ Гете, —оттого-то и стали флорѣ данной страны приписывать вліяніе на характеръ жителей. И, конечно, человѣкъ, ко-

торый всю свою жизнь окруженъ высокими, важными дубами, не похожъ на того, кто ежедневно гуляетъ подъ жидкими березами. Но слѣдуетъ замѣтить, что у людей вообще не такая чувствительная природа, какъ у насъ, прочихъ, и что они живутъ себѣ крѣпко, не давая внѣшнимъ вліяніемъ такой власти надъ собою. Впрочемъ, извѣстно, что сверхъ того, что прирождено расѣ, на окончательное образованіе народнаго характера имѣютъ также вліяніе почва и климатъ, а равно питаніе и занятія. Но слѣдуетъ помнить, что первичныя племена большею частью заняли тѣ земли, которыя имъ понравились; стало быть, тѣ, которыя почти гармонировали съ ихъ врожденнымъ характеромъ... Оглянитесь, продолжалъ Гете,—сади васъ на попитрѣ лежитъ листокъ бумаги; пожалуйста, обратите на него вниманіе.

— На этотъ синій конвертъ?

— Да. Ну, что вы скажете о почеркѣ? Не правда ли, что у этого человѣка было въ душѣ нѣчто великое и свободное, когда онъ надписывалъ адресъ? Чья это рука по вашему?

Я взялъ листокъ и сталъ разсматривать. Черты почерка были свободны и величественны.

— Такъ могъ писать Меркъ, сказалъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гете,—въ немъ не было благородства и онъ былъ недостаточно положителенъ. Писалъ Цельтеръ. Правда, ему тутъ способствовали и перо, и бумага, а потому почеркъ вполне выражаетъ его великій характеръ. Я сохраню листокъ въ собраніи манускриптовъ.

Пятница, 3-го апрѣля 1829.

Обѣдалъ у Гете съ главнымъ начальникомъ построекъ, Кудрэ. Кудрэ рассказывалъ о лѣстницѣ въ великогерцогскомъ дворцѣ въ Бельведерѣ; ее уже много лѣтъ считали неудобной, но прежній государь сомнѣвался, чтобъ ее можно было исправить, и только въ царствованіе нынѣшняго герцога удалось окончить дѣло. Затѣмъ Кудрэ говорилъ о ходѣ работъ по постройкѣ шоссе; о томъ, что пришлось устроить объѣздъ по дорогѣ въ Бланкенгайнъ¹⁾ потому, что уклонъ достигалъ двухъ футовъ на сажень, но что и теперь есть мѣста, гдѣ уклонъ доходитъ до восемнадцати дюймовъ на сажень.

Я спросилъ Кудрэ, сколько дюймовъ уклона считается нормой для шоссе въ холмистыхъ мѣстностяхъ.

— Десять дюймовъ, отвѣчалъ онъ;—тогда ѣхать удобно.

— Но, сказалъ я,—въ какомъ бы направленіи вы ни поѣхали изъ Веймара, на востокъ, югъ, западъ или сѣверъ, вы всюду очень скоро натолкнетесь на мѣста, гдѣ уклонъ шоссе сильно превышаетъ десять дюймовъ.

— Это незначительные клочки, отвѣчалъ Кудрэ,—и притомъ, при постройкѣ шоссе нарочно оставляютъ такія мѣста близъ деревень, чтобъ не лишать крестьянъ небольшихъ доходовъ за припряжку лошадей. Мы разсмѣялись надъ этимъ честнымъ плутовствомъ.—Въ сущности, это пустыки, продолжалъ Кудрэ;—экипажи легко проѣзжаютъ въ этихъ

¹⁾ Деревня, близъ Веймара.

мѣстахъ, а извозчики привыкли къ такимъ поборамъ. Притомъ, лошадей обыкновенно нанимають въ гостинницахъ, и у извозчиковъ является случай выпить лишній разъ, а они не скажутъ тому спасибо, кто лишитъ ихъ этого удовольствія.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, сказалъ Гете,—не лучше ли въ совершенно плоскихъ мѣстностяхъ прерывать прямую линію и устраивать на шоссе искусственно подъемы и спуски; удобной ѣздѣ они бы не помѣшали, а выгода была бы въ томъ, что, благодаря стокамъ дождевой воды, дороги всегда были бы сухи.

— Это не трудно устроить, отвѣчалъ Кудрэ,—и оно дѣйствительно оказалось бы очень полезнымъ.

Кудрэ прочелъ затѣмъ набросокъ инструкціи молодому архитектору, котораго главное управленіе зданіями думаетъ послать въ Парижъ для дальнѣйшаго образованія. Гете одобрилъ ее. Гете выхлопоталъ въ министерствѣ необходимую субсидію; радовались, что дѣло удалось, и говорили о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принять, чтобъ деньги пошли на пользу и чтобъ ихъ хватило молодому человѣку на годъ. По возвращеніи, его предполагали опредѣлить учителемъ во вновь учреждаемую ремесленную школу, черезъ что для молодого, талантливаго человѣка прямо откроется кругъ подходящей дѣятельности. Все было обдуманно хорошо, и я молча призывалъ благословеніе на это дѣло. Затѣмъ разсматривали чертежи и планы для плотниковъ, составленные Шинкелемъ ¹⁾ Кудрэ находилъ ихъ замѣчательными и вполне пригодными для употребленія въ будущемъ ремесленномъ училищѣ. Гово-

¹⁾ Знаменитый берлинскій архитекторъ; † 1841.

рили о строеніяхъ, объ отзвукахъ и о томъ, какъ ихъ избѣгать, и о большой прочности іезуитскихъ построекъ.

«Въ Мессинѣ», замѣтилъ Гете, «при землетрясеніи всѣ зданія болѣе или менѣе пострадали, но іезуитскіе церкви и монастырь остались безо всякихъ поврежденій, точно ихъ вчера отстроили. Не было замѣтно и малѣйшаго слѣда, что землетрясеніе оказало на нихъ какое либо дѣйствіе».

Отъ іезуитовъ и ихъ богатствъ разговоръ перешелъ къ католикамъ и эмансипаціи ирландцевъ.

— Ясно, что эмансипація состоится, сказалъ Кудрэ,—но парламентъ обставилъ дѣло такъ, чтобъ этотъ шагъ никоимъ образомъ не представлялъ опасности для Англіи.

— Съ католиками всѣ мѣры предосторожности бесполезны, сказалъ Гете. — У папскаго престола есть такіе интересы, которыхъ мы не знаемъ, и такія средства въ тихомолку достигнуть ихъ, о которыхъ мы и понятія не имѣемъ. Еслибъ я засѣдалъ въ парламентѣ, то я не сталъ бы противиться эмансипаціи, но я попросилъ бы занести въ протоколъ, чтобъ о мнѣ вспомнили, когда падетъ голова какого нибудь замѣчательнаго протестанта вслѣдствіе того, что католикъ подастъ за это свой голосъ.

Разговоръ перешелъ къ новой французской литературѣ, и Гете вновь съ восхищеніемъ говорилъ о лекціяхъ гг. Кузена, Вильмена и Гизо. «Вмѣсто легкомысленной поверхностности Вольтера, у нихъ такая ученость, какая прежде встрѣчалась только у нѣмцевъ. И съ тѣмъ вмѣстѣ что за умъ, что за умѣнье проникнуть въ предметъ и его исчерпать!.. Удивительно, они точно работаютъ у пресса. Всѣ

трое превосходны, но я готовъ отдать предпочтеніе г. Гизо: онъ мнѣ болѣе по душѣ».

Затѣмъ мы говорили о всемірной исторіи, и Гете высказалъ слѣдующее относительно правителей.

«Чтобъ стать популярнымъ», сказалъ Гете,—«великому государю не требуется ничего, кромѣ своего собственнаго величія. Если его стремленія и дѣйствія ведутъ къ тому, что его государство счастливо внутри и уважаемо извнѣ, то все равно—станетъ ли онъ ѣздить во всѣхъ орденахъ, въ парадной каретѣ, или въ медвѣжьей шубѣ и съ сигарой во рту на плохихъ дрожкахъ: онъ приобрѣлъ любовь своего народа и будетъ всегда пользоваться уваженіемъ. Если же у государя нѣтъ личнаго величія и онъ не умѣетъ заслужить любви своихъ подданныхъ добрыми дѣлами, то ему приходится думать о другихъ средствахъ единенія съ народомъ, и въ такомъ случаѣ самое лучшее и самое дѣйствительное—религія и исполненіе однихъ и тѣхъ же обрядовъ. Ходить въ церковь по воскресеньямъ, смотрѣть на прихожанъ и позволять имъ часокъ полюбоваться собою,—отличное средство для приобретенія популярности, которое можно рекомендовать всѣмъ молодымъ государямъ; имъ, при всемъ своемъ величіи, не пренебрегалъ и самъ Наполеонъ».

Разговоръ снова перешелъ къ католикамъ и къ тому, какъ велико скрытое вліяніе духовенства. Рассказывали о молодомъ писателѣ, который недавно, въ издаваемой имъ въ Ганау газетѣ, позволилъ себѣ въ нѣсколько игривомъ тонѣ поговорить о четкахъ. Газета тотчасъ же пала, и именно вслѣдствія вліянія патеровъ въ своихъ приходахъ.

«Въ Миланѣ», сказалъ Гете, «вскорѣ послѣ выхода, мой *Вертеръ* появился въ переводѣ. Вскорѣ

нельзя было найти въ продажѣ ни одного экземпляра: вмѣшался епископъ, и при помощи приходскаго духовенства скупилъ все изданіе. Мнѣ не было досадно; мнѣ скорѣй нравился мудрый епископъ, сразу увидѣвшій, что *Вертеръ* плохая книга для католиковъ, и я хвалю его за то, что онъ сразу принялъ самое дѣйствительное средство, чтобъ потихоньку согнать ее съ лица земли.

Воскресенье, 5-го апрѣля 1829.

Гете сказалъ мнѣ, что передъ обѣдомъ онъ съѣздитъ въ Бельведеръ, чтобъ посмотрѣть новую лѣстницу Кудрэ; онъ считаетъ ее превосходной. Онъ сказалъ мнѣ также, что получилъ большой кусокъ окаменѣлаго дерева, и хотѣлъ мнѣ показать его.

«Такіе окаменѣлые стволы», сказалъ онъ, «встрѣчаются всюду подъ пятьдесятъ первымъ градусомъ, вплоть до Америки; они образуютъ точно поясъ земли. Приходится удивляться все больше и больше. О прежней организаціи земли мы не имѣемъ никакого понятія, и я не могу благодарить г. фонъ-Буха за то, что онъ, ради распространенія своей гипотезы, желаетъ навязать людямъ свое мнѣніе. Онъ ничего не знаетъ, но и другіе знаютъ не больше его, а потому въ сущности все равно, что утверждать, только бы въ ученіи было нѣкоторое подобіе разума».

Гете передалъ мнѣ поклонъ отъ Цельтера, что меня порадовало. Затѣмъ мы говорили о его *Итальянскомъ путешествіи*, и онъ сказалъ, что въ своихъ письмахъ изъ Италіи нашелъ пѣсню, которую и покажетъ мнѣ. Онъ попросилъ меня передать ему связку бумагъ, которая лежала напротивъ меня, на

конторкѣ. Я передалъ; то были его письма изъ Ита-
ліи; Гете порылся въ нихъ, и затѣмъ прочелъ:

Амуръ, своевольный, безстыдный мальчишка!
Просилъ ты пробыть у меня лишь часочекъ,
А сколько и дней, и ночей остаешься!
Ты сталъ наконецъ ужъ хозяиномъ въ домѣ.

*

* *

Согналъ ты меня и съ широкой постели:
Я ночи сижу на полу, и тоскую.
Шалишь ты и топишь каминъ непрерывно:
Ты сжегъ весь мой зимній запасъ, раззоритель!

*

* *

Ты съ мѣста все сдвинулъ и все разбросалъ ты!
Ишу я вещей, и брожу какъ въ потемкахъ.
И какъ ты шумишь, беспокойный! Боюсь я,
Сбѣжить отъ тебя и душа-то изъ тѣла.

Это стихотвореніе меня порадовало, и показалось мнѣ вполне незнакомымъ. «Оно вамъ не знакомо», сказалъ Гете; «оно включено въ *Клодину изъ Вилла-Белла*, гдѣ его поетъ Ругантино. Я его тамъ расчленилъ такъ, что, читая, только пробѣгаешь его, и не замѣчаешь, что оно значитъ. Я его однако считаю хорошимъ. Оно искусно изображаетъ извѣстное состояніе души, и сравненіе хорошо выдержано; оно въ анакреонтическомъ родѣ. Собственно, слѣдовало-бы эту пѣсню и другія подобныя изъ моихъ оперъ напечатать также и въ отдѣлѣ *Стихотвореній*, чтобъ для композиторовъ онѣ были бы всѣ вмѣстѣ». Я нашелъ, что это хорошо и умно, и принялъ въ соображеніе.

Гете прелестно прочелъ стихи; они у меня не выходили изъ головы, да и ему, повидимому, крѣпко запомнились. Онъ точно въ бреду повторялъ про себя послѣдніе стихи:

И какъ ты шумишь, беспокойный! Боюсь я,
Сбѣжить отъ тебя и душа-то изъ тѣла.

Затѣмъ онъ заговорилъ о вновь вышедшей книгѣ¹⁾ о Наполеонѣ, написанной однимъ изъ юношескихъ товарищей героя и гдѣ заключаются замѣчательныя сообщенія. «Книга написана вполне трезво, безо всякаго энтузіазма», сказалъ Гете, «но изъ нея видно, какой величественный характеръ носить на себѣ правда, когда ее осмѣливаются высказывать».

Говорилъ мнѣ также Гете о трагедіи одного молодого поэта. «Это патологическій продуктъ», сказалъ онъ; «по мѣстамъ, тамъ, гдѣ это не нужно, слишкомъ много жизненнаго сока, а въ другихъ, гдѣ требуется, онъ отсутствуетъ. Сюжетъ хорошъ, очень хорошъ, но сценъ, которыхъ я ожидалъ, нѣтъ, а есть такія, которыхъ я не ожидалъ, и онѣ отдѣланы тщательно и съ любовью. Я думаю, что это произведеніе патологическое, или же романтическое, если вамъ больше нравится наша новая теорія».

Мы еще весело поговорили, и Гете затѣмъ угостилъ меня медомъ и финиками, которые я взялъ съ собою.

Среда, 6-го апрѣля 1829.

Сегодня за обѣдомъ Гете далъ мнѣ прочесть письмо Эгона Эберта, которое мнѣ очень понравилось. Мы хвалили поэта и его родину, Богемію.

«Богемія своеобразная страна», сказалъ Гете, «я всегда охотно посѣщалъ ее. Въ образѣ мыслей тамошнихъ писателей есть еще нѣчто чистое, — что въ сѣверной Германіи становится уже рѣдкостью; тамъ пишетъ всякая сволочь, у которой нечего и спрашивать ни нравственныхъ основъ, ни высокихъ взглядовъ».

¹⁾ Извѣстные мемуары Буріенна.

Затѣмъ Гете говорилъ о новой эпической поэмѣ ¹⁾ Эгона Эберта, а также о быломъ господствѣ женщинъ въ Богеміи и о происхожденіи сказанія объ Амазонкахъ. Отъ этого мы перешли къ эпосу другого поэта, который немало хлопоталъ, чтобъ о его сочиненіи появились благопріятные отзывы въ газетахъ. «Такіе отзывы и появились кое гдѣ», продолжалъ Гете. «Но вотъ вышла *Галльская литературная газета*, въ которой прямо было сказано, чего стоитъ поэма, и всѣ благопріятные отзывы были тѣмъ уничтожены. Нынче, кто желаетъ неправды, скоро разоблачается; теперь больше нельзя издѣваться надъ публикой и вводить ее въ заблужденіе».

— Я удивляюсь, сказалъ я,—что люди такъ много хлопочутъ, чтобъ составить себѣ хоть кое-какое имя, и даже готовы при этомъ прибѣгать къ непозволительнымъ средствамъ.

— Милое дитя, отвѣчалъ Гете,—имя не малая вещь. Ради великаго имени Наполеонъ разорвалъ въ клочки чуть не пол-міра.

Мы немного помолчали. Затѣмъ Гете опять заговорилъ о новой книгѣ о Наполеонѣ.

— Сила правды велика, сказалъ онъ.—Весь ореолъ, всѣ иллюзіи относительно Наполеона, созданные журналистами, историками и поэтами, исчезаютъ передъ страшной дѣйствительностью этой книги; но герой оттого не умалывается: онъ скорѣе вырастаетъ, по мѣрѣ приближенія къ правдѣ.

— Въ его личности должно было быть нѣчто чарующее, сказалъ я,—иначе люди сразу не бросились бы и не привязались къ нему, и не пошли бы за нимъ.

¹⁾ *Власта*, появившаяся въ 1829.

— Разумѣется, его личность превосходила прочія, отвѣчалъ Гете.— Но главная причина состояла въ томъ, что люди были увѣрены, что, служа ему, достигнуть своихъ цѣлей. Вотъ отчего они и устремились къ нему, какъ бросаются ко всякому, кто имъ внушаетъ подобную увѣренность. Такъ актеры бросаются къ новому режиссеру, думая, что онъ дастъ хорошія роли. Это старая сказка, и она вѣчно повторяется; такъ ужъ устроена человѣческая природа. Никто не служитъ другому задаромъ; когда-жъ человѣкъ знаетъ, что съ тѣмъ вмѣстѣ онъ служить и себѣ, тогда онъ служить охотно. Наполеонъ слишкомъ хорошо зналъ людей, и умѣлъ обращать себѣ въ пользу ихъ слабости.

Разговоръ перешелъ къ Цельтеру. «Вы знаете», сказалъ Гете, «что Цельтеръ получилъ прусскій орденъ. У него не было герба; а потомство у него большое, и, стало быть, есть надежда на продолжительность рода. Ему поэтому нуженъ былъ гербъ, и мнѣ пришла забавная мысль составить ему гербъ. Я написалъ ему, и онъ остался доволенъ; только ему непремѣнно хотѣлось коня въ гербъ.— Хорошо, сказалъ я, будетъ у тебя и конь, только крылатый.— Оглянитесь-ка, сзади васъ лежитъ бумага; на ней я сдѣлалъ карандашемъ набросокъ герба».

Я взялъ бумагу и сталъ разсматривать рисунокъ. Гербъ былъ красивъ, и я похвалилъ его. На нижнемъ полѣ были зубцы городской стѣны въ знакъ того, что Цельтеръ въ былое время былъ хорошимъ каменщикомъ. Надъ стѣной возвышался крылатый конь, стремящийся въ высшія области, чѣмъ выражались его геніальность и порывъ въ высъ. На верхнемъ щитѣ герба помѣщалась лира^а и надъ ней свѣтящаяся звѣзда, какъ символъ искусства, при по-

мощи котораго прославился этотъ превосходный другъ, подъ вліяніемъ и покровительствомъ благопріятной звѣзды. Подъ щитомъ висѣлъ орденъ, которымъ король почтилъ и осчастливилъ его, въ знакъ справедливаго признанія большихъ заслугъ.

— Я отдалъ выгравировать его Фаціусу, сказалъ Гете, — и покажу вамъ оттиски. А развѣ не мило, что другъ составляетъ гербъ для друга, и тѣмъ даетъ ему дворянство?

Намъ понравилась эта мысль, и Гете послалъ къ Фаціусу за оттискомъ. Мы еще немного посидѣли за столомъ, и выпили нѣсколько стаканчиковъ стараго рейнвейна съ хорошими бисквитами. Гете бормоталъ про себя что-то невнятное. Мнѣ вновь пришло въ голову вчерашнее стихотвореніе, и я продекламировалъ:

Ты съ мѣста все сдвинулъ и все разбросалъ ты:
Ищу я вещей, и брожу какъ въ потемкахъ...

— Я не могу отдѣлаться отъ этихъ стиховъ, сказалъ я; — они вполнѣ своеобразны и превосходно выражаютъ тотъ безпорядокъ, который любовь вноситъ въ нашу жизнь.

— Они рисуютъ мрачное состояніе духа, сказалъ Гете.

— Они производятъ на меня впечатлѣніе картины голландской школы, замѣтилъ я.

— Въ нихъ есть что-то въ родѣ *Good man and good wife*.

— Вы предвосхитили мои слова: я вспомнилъ раньше объ этой шотландской поэмѣ, и у меня передъ глазами была картина Остаде.

— Удивительно однако, сказалъ Гете, — что обоихъ стихотвореній нельзя нарисовать; они произво-

дятъ впечатлѣніе картины, приводятъ въ подобное же настроеніе, но нарисовать ихъ нельзя.

— Они служатъ прекраснымъ примѣромъ, какъ поэзія, приближаясь насколько возможно къ живописи, не выходитъ однако изъ своей сферы. Я ужасно люблю такія стихотворенія, потому что они одновременно говорятъ и воображенію, и чувству. Но понять я не въ силахъ: какъ вы могли почувствовать такое положеніе; это стихотвореніе точно изъ другого вѣка и изъ иного міра.

— Я и самъ въ другой разъ его не напишу, и не сдумѣю вамъ сказать, какъ дошелъ до него... это, впрочемъ, съ нами часто случается.

— Есть еще нѣчто своеобразное въ этомъ стихотвореніи, сказалъ я;—оно мнѣ кажется рѣчюванымъ, а рѣчи нѣтъ. Отчего это зависитъ?

— Отъ ритма, отвѣчалъ Гете. — Стихи начинаются короткимъ слогомъ, затѣмъ идутъ трохеи, и въ концѣ вставленъ дактиль, который производитъ однообразное впечатлѣніе и отчего стихъ получаетъ мрачный, жалобный оттѣнокъ.

Гете взялъ карандашъ, и скандовалъ такимъ образомъ:

Von | meĩnem̃ | breĩteñ | Lāger̃ | bĩñ ıch̃ vēr̃ | triebeñ.

Мы заговорили о ритмѣ вообще и пришли къ тому, что о такихъ вещахъ нельзя разсуждать.

— Ритмъ, сказалъ Гете,—какъ бы безсознательно проистекаетъ изъ поэтическаго настроенія. Если раздумывать объ этомъ, когда пишешь стихи, то смѣшаешься и ничего путнаго не напишешь.

Я ждалъ оттиска герба. Гете заговорилъ о Гизо. «Я продолжаю читать его лекціи», сказалъ онъ;— «онъ выдержанъ превосходно. Въ нынѣшнемъ году

онъ дошелъ до VIII вѣка. У него и глубина, и проницательность, выше которыхъ я не встрѣчалъ ни у одного историка. Вещи, на которыя не обращаешь вниманія, получаютъ въ его глазахъ величайшую важность, какъ источники замѣчательныхъ событій. Такъ, напримѣръ, ясно выведено и разъяснено, какое вліяніе имѣло на исторію преобладаніе извѣстныхъ религіозныхъ мнѣній; какъ ученія о первородномъ грѣхѣ, о благодати, о добрыхъ дѣлахъ, придавали тотъ или иной характеръ извѣстнымъ эпохамъ. Точно также хорошо разъяснено, какимъ образомъ римское право продолжаетъ жить; какъ оно порою скрывается, подобно ныряющей уткѣ, но никогда не исчезаетъ навсегда, и вновь является живымъ; приэтомъ вполне признаются заслуги нашего превосходнаго Савиньи.

«Въ томъ, что Гизо говоритъ о вліяніи, которое въ былыя времена оказывали на Галловъ чуждые народы, мнѣ показалось особенно замѣчательнымъ то, что онъ говоритъ о нѣмцахъ. «Германцы» говоритъ онъ, «внесли къ намъ идею личной свободы, свойственную этому народу». Развѣ это не тонкое замѣчаніе? развѣ онъ не вполне правъ, и развѣ эта идея не оказываетъ на насъ дѣйствія до сегодня? Изъ этого источника вышла реформація, и заговоръ вартбургскихъ студентовъ¹⁾, и разумное, и глупое. Отсюда же происходитъ и пестрота нашей литературы, и поиски за оригинальностью нашихъ поэтовъ, и то, что всякій хочетъ открыть новые пути, а равно обособленность и уединенность нашихъ уче-

¹⁾ Въ 1817, въ годовщину Лютера. Были сожжены сочиненія, которыя считались несогласными съ гордымъ, свободнымъ и чистымъ древнегерманскимъ духомъ. Заговоръ окончился ничѣмъ.

ныхъ, при чемъ каждый живетъ по себѣ и выводитъ все изъ своей собственной точки зрѣнія. Французы и англичане, напротивъ, гораздо болѣе держатся другъ за друга и примѣняются одинъ къ другому. Въ одеждѣ, въ обращеніи у нихъ есть нѣчто однообразное. Они боятся уклониться отъ другихъ, чтобъ не показаться странными, или смѣшными. Нѣмцы же поступаютъ каждый по своему, каждому довольно самого себя, о другихъ онъ не заботится; и это потому, что, какъ справедливо указалъ Гизо, въ каждомъ изъ насъ живетъ идея личной свободы, откуда, повторяю, проистекаетъ много дѣльнаго, но также много и нелѣпаго».

Вторникъ, 7-го апрѣля 1829.

Войдя, я увидѣлъ, что съ Гете за столомъ сидитъ придворный совѣтникъ Мейеръ, которому послѣднее время не здоровилось; я порадовался, что онъ такъ поправился. Они говорили объ искусствѣ, о Пилѣ, который купилъ картину Клода Лоррена за четыре тысячи фунтовъ, — что особенно возвысило его во мнѣніи Мейера. Принесли газеты, и мы разобрали ихъ, въ ожиданіи супа.

Вскорѣ заговорили объ эмансипаціи ирландцевъ, какъ о вопросѣ дня. «Поучительно для насъ то», сказалъ Гете, «что при этомъ выходятъ на свѣтъ такія вещи, о которыхъ никто не думалъ и о которыхъ мы и не говорили бы безъ этого повода. Мы, впрочемъ, не можемъ составить себѣ вполнѣ яснаго понятія о положеніи Ирландіи: дѣло слишкомъ запутано... Настолько, впрочемъ, ясно, что эта страна страдаетъ отъ золь, которыя не могутъ быть устранены никакими средствами, ниже эмансипаціей. Доселѣ несчастіе было въ томъ, что Ирлан-

дія страдала одна; теперъ же несчастіе въ томъ, что и Англія должна страдать. Въ этомъ суть. И католикамъ отнюдь нельзя довѣрять. Извѣстно, въ какомъ плохомъ положеніи находились два милліона протестантовъ вслѣдствіе перевѣса пяти милліоновъ католиковъ; какъ, напримѣръ, были притѣснены бѣдные арендаторы-протестанты, окруженные сосѣдями-католиками, какъ ихъ прижимали и терзали. Католики не уживаются другъ съ другомъ, но они держатся всегда дружно, когда дѣйствуютъ противъ протестанта. Они похожи на свору собакъ, которые грызутся между собою, но, чуть покажется олень, тотчасъ же становятся единодушны и всей стаей бросаются на него».

Отъ Ирландцевъ разговоръ перешелъ къ турецкимъ дѣламъ. Удивлялись, что русскіе, при своемъ превосходствѣ, не подвинулись дальше въ прошлогоднемъ походѣ.

— Дѣло въ томъ, сказалъ Гете, — что средства были недостаточны, а потому были предъявлены слишкомъ большія требованія къ отдѣльнымъ лицамъ: отсюда проистекли великіе личные подвиги и жертвы, но въ цѣломъ предпріятіе не подвинулось.

— Это какая-то заколдованная земля, сказалъ Мейеръ; — мы видимъ, что и въ древнія времена въ этой мѣстности, когда врагъ хотѣлъ проникнуть отъ Дуная черезъ сѣверныя горы, всегда случилось, что онъ встрѣчалъ жестоковѣйное сопротивление, и почти никогда не достигалъ цѣли. Только бы русскіе удержали за собой морской берегъ и смогли такимъ образомъ обезпечить доставку провіанта.

— Будемъ надѣяться, сказалъ Гете. — Я теперъ

читаю, продолжалъ онъ,—о египетскомъ походѣ Наполеона, и именно въ разсказѣ ежедневнаго товарища его по походу, Буріенна. Со многихъ вещей спадаетъ покровъ чудеснаго, и факты возстаютъ въ неукрашенной, возвышенной правдѣ. Становится ясно, что онъ предпринималъ этотъ походъ просто ради того, чтобъ наполнить время, когда ему во Франціи нечего было дѣлать для утвержденія своей власти. Онъ сначала не зналъ, на что рѣшиться; онъ осмотрѣлъ всѣ французскія гавани по берегу Атлантическаго океана, чтобъ узнать состояніе флота и убѣдиться—возможна, или нѣтъ экспедиція въ Англію. Найдя же, что она не можетъ удаться, онъ рѣшилъ отправиться въ Египетъ.

— Я удивляюсь, сказалъ я,—какъ Наполеонъ, будучи столь молодъ, съ такой легкостью и увѣренностью игралъ міровыми обстоятельствами, какъ будто у него была многолѣтняя практика и опытность.

— Милое дитя, сказалъ Гете,—у великихъ талантовъ это врожденное. Наполеонъ такъ же справлялся съ міромъ, какъ Гуммель съ фортепіано; и то и другое намъ кажется чудеснымъ, мы одинаково не понимаемъ ни того ни другого; но оно такъ, и происходитъ передъ нашими глазами. Наполеонъ былъ особенно великъ тѣмъ, что всегда былъ однимъ и тѣмъ же. Передъ сраженіемъ, во время сраженія, послѣ побѣды, послѣ пораженія, онъ всегда твердо держался на ногахъ, всегда у него было ясно въ головѣ, и была рѣшимость, что слѣдуетъ дѣлать. Онъ былъ всегда въ своей стихіи; при всякомъ состояніи и въ любой моментъ, онъ былъ готовъ, какъ и Гуммель всегда готовъ играть адажіо или аллегро, брать басовыя и дискантовыя

ноты. Это та легкость, которая встрѣчается всюду, гдѣ имѣется на лицо дѣйствительный талантъ, какъ въ мирныхъ, такъ и военныхъ искусствахъ, какъ за фортепіано, такъ и позади пушекъ.—Изъ этой книги видно, продолжалъ Гете,—какъ много басенъ рассказывалось о его египетскомъ походѣ. Много, правда, подтверждается, но многое—вовсе нѣтъ, и въ большинствѣ случаевъ происходило нѣчто иное. Что онъ разстрѣлялъ восемьсотъ турецкихъ плѣнныхъ—правда; но это является какъ зрѣлое рѣшеніе долгаго военнаго совѣта, причемъ, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, не оказалось средства спасти ихъ. Что онъ спускался въ пирамиды—сказка. Онъ преспокойно стоялъ снаружи, и затѣмъ выслушалъ рассказъ другихъ о томъ, что они видѣли внизу. Рассказъ о томъ, что онъ носилъ восточный костюмъ, является въ другомъ видѣ.

«Онъ только разъ, дома, устроилъ этотъ маскарадъ, и показался только своимъ, чтобъ узнать, идетъ ли ему костюмъ. Но тюрбанъ былъ ему не къ лицу, какъ онъ не идетъ ко всѣмъ продолговатымъ лицамъ, а потому онъ больше ужъ и не наряжался. Онъ дѣйствительно посѣщалъ зачумленныхъ, и съ тѣмъ именно, чтобъ показать примѣръ, что—кто способенъ побороть страхъ, тотъ можетъ побороть и чуму. Я могу рассказать фактъ изъ моей собственной жизни: я неминуемо заразился бы гнилой горячкой, еслибъ не устранилъ отъ себя болѣзни твердой волей. Невѣроятно-просто, что можетъ сдѣлать въ подобныхъ случаяхъ нравственная воля. Она, такъ сказать, проникаетъ все тѣло и приводитъ его въ дѣятельное состояніе, которое не допускаетъ никакихъ вредныхъ вліяній. Страхъ, напротивъ, есть состояніе бездѣятельной слабости и вос-

пріимчивости, когда любому врагу легко овладѣть нами. Это превосходно знали Наполеонъ, и онъ зналъ также, что ничѣмъ не рискуетъ, подавая внушительный примѣръ своей арміи... Но, съ веселой шутливостью продолжалъ Гете,—имѣйте ко мнѣ почтеніе! Какая книга была въ походной библіотекѣ Наполеона?—Мой *Вертеръ*.

— Что онъ хорошо его изучилъ, доказывается аудіенціей въ Эрфуртѣ, сказалъ я.

— Онъ его изучилъ, какъ уголовный судья изучаетъ дѣло, отвѣчалъ Гете,—и въ этомъ смыслѣ онъ говорилъ о немъ и со мною... Въ сочиненіи г. Буріенна есть списокъ книгъ, взятыхъ Наполеономъ съ собою въ Египетъ, и между ними и *Вертеръ*. Самое замѣчательное въ этомъ спискѣ—классификація книгъ подъ разными рубриками. Въ отдѣлѣ *Politique*, на примѣръ, помѣщены: *Le vieux testament*, *Le nouveau testament*, *Le coran*; отсюда видно, съ какой точки зрѣнія Наполеонъ смотрѣлъ на религію.

Гете разсказывалъ еще много интереснаго изъ книги, которая его занимала. Между прочимъ о томъ, какъ Наполеонъ со своею арміей прошелъ во время отлива по морскому дну въ концѣ Краснаго моря; но ихъ захватилъ приливъ, такъ что послѣдніе ряды должны были идти въ бродъ, когда вода достигала людямъ почти до плечъ, и эта отважная выходка могла окончиться фараоновской катастрофой. При этомъ, Гете высказалъ много новаго относительно причины приливовъ. Онъ сравнивалъ ихъ съ облаками, которыя приходятъ не изъ далека, но одновременно образуются во всѣхъ мѣстахъ и повсюду равномѣрно подвигаются.

Среда, 8-го апрѣля 1829.

При моемъ входѣ, Гете сидѣлъ за накрытымъ столомъ; онъ встрѣтилъ меня весьма весело.

— Я получилъ письмо, сказалъ онъ,—но откуда?
— *Изъ Рима!* Но отъ кого? — *Отъ короля Баварскаю!*

— Раздѣляю вашу радость, сказалъ я.—Но не странно ли, что во время прогулки я около часа все думалъ о Баварскомъ королѣ, и вотъ слышу эту пріятную новость.

— Въ душѣ часто бываютъ предчувствія, сказалъ Гете.—Вонъ тамъ письмо, возьмите его, подсаживайтесь ко мнѣ и читайте.

Я взялъ письмо, Гете газету, и я сталъ безъ всякой помѣхи читать королевское посланіе. Письмо было отъ 26-го марта 1829, и написано весьма красивымъ и яснымъ почеркомъ. Король извѣщалъ Гете, что онъ купилъ въ Римѣ *Villa di Malta* съ принадлежащими къ ней садами, неподалеку отъ *Villa Ludovisi*; она расположена на холмѣ, въ сѣверозападномъ концѣ города; изъ нея виденъ весь Римъ, а на сѣверовостокъ открывается видъ на Св. Петра. «Чтобъ полюбоваться такимъ видомъ», пишетъ онъ, «стоитъ пріѣхать издалека, а я могу наслаждаться имъ ежечасно изъ оконъ моего помѣстья». Далѣе онъ говоритъ, что считаетъ себя счастливымъ, что ему удалось такъ чудесно устроиться въ Римѣ. «Я не видѣлъ Рима вотъ уже двѣнадцать лѣтъ», пишетъ онъ, «я тосковалъ по немъ, какъ тоскуютъ по возлюбленной; отнынѣ я стану возвращаться въ него съ успокоеннымъ чувствомъ, какъ возвращаются къ любимой подругѣ». О драгоценныхъ сокровищахъ искусствъ и зданій онъ говоритъ съ одушевленіемъ знатока, принимающаго къ сердцу истин-

ную красоту и ея требованія, и живо чувствующаго всякое уклоненіе отъ хорошаго вкуса. Все въ этомъ письмѣ было прочувствовано и выражено такъ прекрасно и такъ по человѣчески, какъ не ожидаешь отъ высокопоставленнаго лица. Я высказалъ Гете мою радость по этому случаю.

— Вы видите государя, сказалъ онъ, — который, при своемъ королевскомъ величествѣ, сохранилъ прирожденную прекрасную человѣческую природу. Это очень рѣдкое явленіе, а потому особенно пріятное.

Я еще разъ просмотрѣлъ письмо и нашелъ въ немъ превосходныя мѣста. «Здѣсь въ Римѣ», пишетъ король, «я отдыхаю отъ правительственныхъ заботъ; я ежедневно наслаждаюсь искусствомъ и природой, и мои состоятники — художники». Онъ пишетъ также, что часто проходитъ мимо дома, гдѣ жилъ Гете, и воспоминаетъ при этомъ о немъ. Приведено нѣсколько цитатъ изъ *Римскихъ Элеій*, изъ чего видно, что король хорошо ихъ помнитъ, и перечитывалъ ихъ отъ времени до времени въ Римѣ, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

— Да, сказалъ Гете, — *Элеіи* онъ особенно любить; онъ меня здѣсь порядочно мучалъ ими; онъ все спрашивалъ, какъ все было въ дѣйствительности; въ стихахъ все является такъ живо, что кажется, будто и на дѣлѣ такъ происходило. Рѣдко помнятъ о томъ, что поэтъ умѣетъ сдѣлать хорошее, благодаря ничтожному поводу. Мнѣ хотѣлось бы имѣть *Стихотворенія* короля, что бъ въ отвѣтъ сказать и о нихъ что-нибудь. Судя по немногому, что я изъ него читалъ, его стихи должны быть хороши. По формѣ и отдѣлкѣ онъ взялъ многое у Шиллера, и если онъ въ такой великолѣпный сосудъ вложилъ

содержаніе высокаго духа, то можно по справедливости ждать отъ него много хорошаго... Я очень радъ, что король сдѣлалъ въ Римѣ такое прекрасное приобрѣтеніе. Я знаю эту виллу: ея положеніе превосходно, и всѣ нѣмецкіе художники живутъ по сосѣдству.

Слуга перемѣнялъ тарелки, и Гете приказалъ ему разложить на полу въ плафонной комнатѣ большой планъ Рима.

— Я покажу вамъ, въ какомъ отличномъ мѣстѣ король сдѣлалъ покупку, дабы вы могли какъ слѣдуетъ оцѣнить мѣстоположеніе.

— Вчера вечеромъ, сказалъ я,—я прочелъ *Claudine von Villa Bella*, и мнѣ она очень понравилась. Она очень серьезна по задачѣ, и развивается такъ смѣло, рѣзко, бойко и весело, что мнѣ очень хочется видѣть ее на сценѣ.

— Когда разыгрываютъ хорошо, то она выходитъ недурно, сказалъ Гете.

— Я уже мысленно поставилъ піесу и распредѣлилъ роли... А кѣмъ написана музыка, и какова она?

— Рейхардомъ, и музыка прекрасная. Только инструментована она въ старинномъ вкусѣ, нѣсколько слабо. Въ этомъ отношеніи надо кое-что исправить, и сдѣлать инструментовку сильнѣе и полнѣе. Наша пісня: «Амуръ, своевольный безпутный мальчишка!» особенно удалась композитору.

— Эта пісенка, сказалъ я, — когда ее декламируешь, приводитъ васъ въ какое-то спокойное, мечтательное настроеніе.

— Она порождена такимъ настроеніемъ, а потому и должна производить такое впечатлѣніе.

Мы отобѣдали. Фридрихъ вошелъ и доложилъ, что онъ разложилъ планъ Рима. Мы пошли смотрѣть.

Предъ нами лежалъ планъ великаго мірового города. Гете очень скоро нашелъ *Villa Ludovisi* и по сосѣдству съ нею новую покупку короля, *Villa di Malta*. «Взгляните, что за положеніе!» сказалъ Гете. «Весь Римъ разстилается передъ вами; холмъ очень высокъ, и вамъ виденъ городъ на югъ и востокъ. Я бывалъ въ этой виллѣ, и часто любовался видомъ изъ ея оконъ. Здѣсь, гдѣ городъ, по ту сторону Тибра, на сѣверовостокъ, оканчивается угломъ, стоитъ Св. Петръ, и тутъ вблизи Ватиканъ. Вы видите, что королю отлично видны эти зданія черезъ рѣку. Вотъ эта длинная дорога, съ сѣвера, ведетъ изъ Германіи; это *Porta del popolo*; въ одной изъ ближайшихъ къ воротамъ улицъ жилъ и я, въ угловомъ домѣ. Теперь указываютъ въ Римѣ на другое зданіе, гдѣ я будто бы жилъ, но это не справедливо. Впрочемъ, это все равно; такія вещи въ сущности безразличны; не слѣдуетъ мѣшать созданію легенды.

Мы воротились въ нашу комнату.

— Канцлеръ, сказалъ я, — порадуется письму короля.

— Я покажу ему его, сказалъ Гете. — Когда я читаю въ парижскихъ извѣстіяхъ о рѣчахъ и дебатахъ въ палатѣ, продолжалъ онъ, — я всегда вспоминаю о канцлерѣ: онъ былъ бы тамъ какъ разъ въ своей стихіи и на своемъ мѣстѣ. Для такого мѣста нужны не однѣ способности, но и потребность и желаніе *говорить*, а то и другое есть у нашего канцлера. У Наполеона была также эта потребность говорить, и когда ему нельзя было говорить, онъ писалъ или диктовалъ. И Блюхеръ также

любилъ говорить, и говорилъ хорошо и выразительно; этотъ талантъ онъ развилъ въ массонской ложѣ. И нашъ великій герцогъ говорилъ охотно, хотя по натурѣ былъ лакониченъ; когда онъ не могъ говорить, то писалъ. Онъ написалъ много разсужденій и законовъ, и притомъ по большей части хорошо. Только у государей нѣтъ ни времени, ни досуга приобрѣсти во всемъ необходимыя знанія подробностей. Такъ, въ послѣднее время, онъ написалъ приказъ о вознагражденіи за реставрацію картинъ. Дѣло было очень тонкое. Какъ настоящій государь, онъ опредѣлилъ издержки по реставраціи математически, мѣрой и числомъ. Онъ приказалъ чтобъ за реставрацію платили столько-то съ футовъ; если реставрируемая картина въ двѣнадцать квадратныхъ футовъ, то и плата двѣнадцать талеровъ; если въ четыре, то и платить четыре. Было приказано по герцогски, но не по художнически. Въдѣ картина въ двѣнадцать квадратныхъ футовъ можетъ быть въ такомъ состояніи, что ее возможно, при умѣренной работѣ, реставрировать въ день; а другая, въ четыре, въ такомъ, что, при всемъ прилежаніи и трудолюбіи, на ея реставрацію едва хватитъ недѣли. Но государи, какъ хорошіе военные, любятъ математическія опредѣленія и величественно берутся за дѣло «мѣрой и числомъ».

Мнѣ понравился этотъ анекдотъ. Затѣмъ мы еще много говорили объ искусствѣ и тому подобныхъ вещахъ.

— У меня есть рисунки отъ руки съ картинъ Рафаэля и Доминикина, сказалъ Гете; — Мейеръ сдѣлалъ о нихъ любопытное замѣчаніе, которымъ я и подѣлюсь съ вами. «Въ рисункахъ видна малая опытность», говоритъ Мейеръ, «но видно, что

тотъ, кто ихъ дѣлалъ, обладалъ тонкимъ и вѣрнымъ пониманіемъ картинъ, которыя копировалъ; это отразилось и въ рисунокѣ, и копіи весьма вѣрно вызываютъ въ нашей душѣ впечатлѣніе оригинала. Еслибъ копію съ этихъ картинъ дѣлалъ теперешній художникъ, то онъ все бы нарисовалъ лучше и, пожалуй, вѣрнѣе; но можно впередъ сказать, что у него не доставало бы такого вѣрнаго чувства оригинала, и что поэтому его лучший рисунокъ далеко бы не далъ намъ такого чистаго и полнаго понятія о Рафаэлѣ и Доминикинѣ». Не правда ли, очень тонко? Подобное можетъ быть и въ переводахъ. Фоссъ, напримѣръ, конечно, превосходно перевелъ Гомера; но можно себѣ представить, что другой, не будучи въ цѣломъ такимъ мастеромъ въ переводѣ, какъ Фоссъ, передалъ бы болѣе наивное и болѣе правдивое чувство оригинала.

Я нашелъ, что все это отличныя мысли, и исполнѣ съ нимъ соглашался. Погода была превосходная, и солнце стояло еще высоко, а потому мы и сошли не на долго въ садъ, гдѣ Гете приказалъ подвизать черезчуръ спустившіяся внизъ на дорожки вѣтви.

Желтый шафранъ цвѣлъ очень сильно. Мы смотрѣли на цвѣты и потомъ, взглянувъ на дорожку, увидѣли исполнѣ фіолетовыя изображенія.

— Вы недавно утверждали, сказалъ Гете, — что зеленый и красный цвѣта лучше вызываютъ другъ друга, чѣмъ желтый и голубой, потому де что тѣ цвѣта стоятъ на болѣе высокой ступени, а, стало быть, совершеннѣе, насыщеннѣе и сильнѣе дѣйствуютъ, чѣмъ эти. Я не раздѣляю такого мнѣнія. Всякій цвѣтъ, если только онъ ярко представляется глазу, равносильно вызываетъ противоположный

цвѣтъ; требуется только, чтобъ глазъ былъ въ правильномъ настроеніи, чтобъ не мѣшалъ черезчуръ яркій солнечный свѣтъ, и чтобъ была благопріятная почва для воспринятія вызваннаго изображенія. Вообще слѣдуетъ остерегаться дѣлать слишкомъ тонкія различія и опредѣленія въ цвѣтахъ, потому что тутъ легко впасть изъ существеннаго въ несущественное, изъ правды въ заблужденіе, и изъ простого въ запутанное.

Я запомнилъ эти слова, какъ хорошее предостереженіе при моихъ изслѣдованіяхъ. Между тѣмъ пришло время отправляться въ театръ, и я сталъ собираться. «Постарайтесь», отпуская меня со смѣхомъ сказалъ Гете, — «перенести всѣ ужасы *Тридцати лѣтъ изъ жизни шрока*»¹⁾.

Пятница, 10-го апрѣля 1829.

«Въ ожиданіи супа, я предложу угощеніе для вашихъ глазъ». И съ этими дружескими словами Гете положилъ передо мною томъ ландшафтовъ Клода Лоррена. То были первые рисунки великаго мастера, которые мнѣ пришлось видѣть. Впечатлѣніе было необыкновенное, и мои изумленіе и восторгъ возрастали по мѣрѣ того, какъ я переворачивалъ листы. Сила тѣневыхъ массъ оттуда и отсюда, равно какъ сильный солнечный свѣтъ съ задняго плана и его отраженіе въ водѣ, способствовали великой ясности и опредѣленности впечатлѣнія; я понялъ, что въ этомъ состоитъ главный художественный пріемъ великаго мастера. Я съ наслажденіемъ восхищался и тѣмъ, что каждая картина составляла

¹⁾ Извѣстная и пользовавшаяся и у насъ долгимъ успѣхомъ драма Дюканжа и Дино; поставлена въ первый разъ въ Парижѣ въ 1827 г.

отдѣльный мірокъ, въ которомъ не было ничего, что не соотвѣтствовало бы господствующему настроенію и не способствовало бы его усиленію. Была ли то приморская гавань съ покоящимися кораблями, дѣятельными рыбаками и великолѣпными зданіями, обрамляющими воду; была ли то пустынная холмистая мѣстность съ пасущимися козами, небольшимъ ручейкомъ и мостомъ, съ кое-какими кустами и тѣнистымъ деревомъ, подъ которымъ, играя на свирѣли, отдыхаетъ пастухъ; былъ ли то глубокій провалъ со стоячей водой, которая, при сильной лѣтней жарѣ, производила впечатлѣніе пріятной прохлады, — всюду картина поражала единствомъ, безо всякаго слѣда чего-нибудь чуждаго, не принадлежащаго къ ея стихіи.

— Вы видите теперь совершеннаго художника, сказалъ Гете, — отлично думавшаго и чувствовавшаго; онъ носилъ въ своей душѣ цѣлый міръ, который нелегко встрѣтить гдѣ-нибудь внѣ его. Картины въ высшей степени правдивы, а въ нихъ нѣтъ и слѣда дѣйствительности. Клодъ Лорренъ зналъ дѣйствительный міръ наизусть, до малѣйшей подробности, и онъ для него служилъ средствомъ для выраженія міра его прекрасной души. Въ томъ-то и состоитъ истинный идеализмъ, чтобъ сумѣть такъ воспользоваться реальными средствами, чтобъ кажущаяся правда обманывала до того, какъ будто она дѣйствительность.

— По моему, сказалъ я, — вы сказали хорошее слово, и оно такъ же приложимо къ поэзіи, какъ и къ пластическимъ искусствамъ.

— И я того же мнѣнія, сказалъ Гете. — Но, кажется, было бы лучше, еслибъ вы отложили дальнѣйшее наслажденіе превосходнымъ Клодомъ до

послѣ-обѣда. Дѣйствительно, картины черезчуръ хороши и нельзя много смотрѣть такъ, одну за другою.

— И я то же чувствую. И меня беретъ нѣкотораго рода страхъ всякій разъ, какъ я переворачиваю листъ. То страхъ особаго рода, какой бываетъ, когда читаешь прекрасную книгу, гдѣ насъ невольно задерживаютъ превосходныя мѣста и мы съ нѣкоторой медлительностью продолжаемъ чтеніе.

— Я написалъ отвѣтъ баварскому королю, сказалъ, послѣ нѣ котораго молчанія, Гете, — и вы должны прочесть его.

— Для меня это будетъ весьма поучительно, и я прочту съ удовольствіемъ.

— А вотъ, продолжалъ Гете, — во *Всеобщей газетѣ* стихотвореніе къ королю; мнѣ его вчера прочиталъ канцлеръ, просмотрите и вы.

Гете подаль мнѣ листъ, и я прочелъ про себя.

— Ну, что вы скажете? спросилъ Гете.

— Это дилеттантскія чувства: въ нихъ больше доброй воли, чѣмъ таланта; съ вершинъ литературы до него дошелъ выработанный языкъ, который за него и звучить, и риѣмуется, а онъ воображаетъ, что говоритъ самъ.

— Вы вполне правы. Я самъ считаю стихотвореніе весьма слабымъ; въ немъ нѣтъ и слѣда созерцанія внѣшняго міра, оно вполне головное, да и то!..

— Чтобы написать хорошее стихотвореніе, сказалъ я, — надо имѣть большое знаніе тѣхъ вещей, о которыхъ говоришь, и у кого нѣтъ, какъ у Клода Лоррена, въ распоряженіи цѣлаго міра, тому, даже при лучшихъ идеальныхъ стремленіяхъ, только изрѣдка удастся произвести нѣчто хорошее.

— Суть въ томъ, сказалъ Гете,—что только при-
рожденный талантъ знаетъ, въ чемъ собственно дѣло,
а всѣ другіе болѣе или менѣе заблуждаются.

— Это доказываютъ эстетики, сказалъ я;—почти
ни одинъ изъ нихъ не знаетъ, чему собственно
слѣдуетъ учить, и они вполнѣ спутываютъ моло-
дыхъ поэтовъ. вмѣсто того, чтобъ говорить о ре-
альномъ, они говорятъ объ идеальномъ, и вмѣсто
того, чтобъ указать молодому поэту на то, чего у
него нѣтъ, они сбиваютъ его относительно того,
что у него есть. Напримѣръ, тотъ у кого есть отъ
природы нѣкоторое остроуміе и юморъ, будетъ лучше
пользоваться этими дарами, когда почти не будетъ
сознавать, что они у него есть; если же онъ про-
чтетъ прославленные разсужденія объ этихъ высо-
кихъ свойствахъ, то будетъ стѣсненъ и несвободенъ
въ безмятежномъ употребленіи этихъ даровъ;
сознаніе станетъ ихъ парализовать, и онъ, не по-
лучивъ помощи, на которую надѣялся, очутится въ
несказанномъ затрудненіи.

— Вы вполнѣ правы, и объ этомъ многое бы
можно сказать, замѣтилъ Гете.—Я прочелъ новый
эпосъ Эгона Эберта, продолжалъ онъ,—и вы долж-
ны прочесть его; быть можетъ, мы ему отсюда и
окажемъ небольшую помощь. У него, дѣйствительно,
настоящій, пріятный талантъ, но въ новой его поэмѣ
не достаетъ прямой поэтической основы, не достаетъ
реальности. Ландшафты, восходы и заходы солнца,
мѣста, гдѣ онъ рисуетъ знакомый ему внѣшній міръ—
вполнѣ хороши, лучшаго нельзя и желать. Но осталь-
ное, что относится къ прошедшимъ вѣкамъ, что
принадлежитъ преданію, является въ ненадлежа-
щемъ свѣтѣ; во всемъ этомъ нѣтъ настоящаго
зерна. Амазонки, ихъ жизнь и дѣянія изображены

общими чертами, которыя молодые люди считаютъ поэтическими и романтическими, и что и у эстетиковъ слыветъ таковымъ.

— Въ этомъ недостатокъ всей современной литературы, сказалъ я.—Пренебрегаютъ специальными подробностями изъ страха, что онѣ не поэтичны, и чрезъ то впадаютъ въ общія мѣста.

— Эгону Эберту, сказалъ Гете,—слѣдовало бы держаться лѣтописнаго преданія, тогда изъ его поэмы и вышло бы что нибудь. Вспомнивъ, какъ Шиллеръ изучалъ преданія, сколько онъ работалъ надъ Швейцаріей, когда писалъ *Телля*, и какъ Шекспиръ пользовался хрониками и вставлялъ изъ нихъ цѣлыя мѣста въ свои пьесы, можно и отъ нынѣшнихъ молодыхъ поэтовъ требовать того же. Въ моемъ *Клауно* есть цѣлыя мѣста изъ записокъ Бомарше.

— Но они такъ обработаны, что этого и не замѣчаешь; они не остались сырымъ матеріаломъ.

— Такъ и слѣдуетъ поступать, отвѣчалъ Гете.

Затѣмъ Гете разсказалъ нѣсколько чертъ изъ жизни Бомарше.

— Онъ былъ сумасбродный человѣкъ, и вамъ слѣдуетъ прочесть его мемуары. Процессы были его стихіей, гдѣ ему было вполнѣ по себѣ. Еще сохранились адвокатскія рѣчи отъ одного изъ его процессовъ, и ихъ надо причислить къ самымъ замѣчательнѣйшимъ, талантливѣйшимъ и смѣлымъ произведеніямъ въ этомъ родѣ. Но именно этотъ знаменитый процессъ и проигралъ Бомарше. Когда онъ изъ суда спускался по лѣстницѣ, на встрѣчу ему попался канцлеръ. Бомарше слѣдовало посторониться, но онъ не захотѣлъ, и утверждалъ, что каждый долженъ былъ уступить другому въ равной степени. Канцлеръ, оскорбленный въ своемъ достоин-

ствѣ, приказалъ своей свитѣ столкнуть Бомарше съ дороги; такъ и сдѣлали. Бомарше тотчасъ поднялся снова въ залу суда и затѣялъ противъ канцлера процессъ, который и выигралъ.

Мнѣ понравился этотъ анекдотъ, и мы весело разговаривали за столомъ о различныхъ вещахъ:

— Я вновь принялся за свое *Второе пребываніе въ Римъ*, сказалъ Гете, — чтобъ ужъ вполнѣ отдѣлаться отъ него и перейти къ чемунибудь другому. Мое напечатанное *Путешествіе въ Италію*, какъ вы знаете, я все редактировалъ изъ писемъ. Но письма, которыя я писалъ изъ Рима во время второго путешествія, не такого рода, чтобъ изъ нихъ можно было сдѣлать употребленіе; въ нихъ слишкомъ много говорится про домашнія дѣла, о моихъ веймарскихъ отношеніяхъ и очень мало о моей италіанской жизни. Но въ нихъ есть многое, что выражаетъ мое тогдашнее *внутреннее* состояніе. Теперь я намѣренъ выписать и соединить эти мѣста, и вставить ихъ такимъ образомъ въ рассказъ, чтобъ они придали ему извѣстный тонъ и настроеніе.

Я нашелъ, что это будетъ отлично, и старался укрѣпить Гете въ его намѣреніи.

— Во всѣ времена говорилось и повторялось, продолжалъ Гете, — что надо стараться познать самого себя. Странное требованіе, которое до сихъ поръ никого не удовлетворяло да и не можетъ, собственно говоря, удовлетворить. Всѣ чувства и всѣ стремленія человѣка направляютъ его къ окружающему его внѣшнему міру, и ему приходится изучать его и пользоваться имъ постольку, поскольку это соовѣтствуетъ его цѣлямъ. О самомъ себѣ человѣкъ знаетъ только то, что онъ наслаждается или страдаетъ, и онъ по себѣ узнаетъ только

страданіе или радость, чего онъ долженъ избѣгать и къ чему стремиться. Въ остальномъ же человѣкъ существо земное, онъ не знаетъ ни откуда явился, ни куда уйдетъ; онъ немного знаетъ о мірѣ, но о самомъ себѣ и того меньше. Я самъ себя также не знаю, и Боже избави меня отъ этого. Я собственно къ тому веду рѣчь, что въ Италіи, на сороковомъ году, я былъ настолько уменъ и на столько узналъ себя, чтобъ рѣшить, что у меня нѣтъ таланта къ пластическимъ искусствамъ, и что мои стремленія въ этомъ отношеніи были ложныя. Когда я рисовалъ, то у меня не было достаточной склонности схватить тѣлесный обликъ даннаго предмета; у меня былъ какой-то страхъ, что предметъ слишкомъ вѣдрится во мнѣ; мнѣ нравилось скорѣе слабое и посредственное. Когда я рисовалъ ландшафтъ, и отъ слабой дали шелъ къ переднему плану, то всегда боялся придать ему надлежащую силу, и оттого мои картины никогда не производили должнаго впечатлѣнія. Равно, безъ упражненія я, случалось, не дѣлалъ никакихъ успѣховъ, и когда мнѣ приходилось не работать нѣкоторое время, то мнѣ всегда приходилось начинать съизнова. Впрочемъ, я не былъ вовсе безталаненъ, особенно въ ландшафтѣ, и Гаперъ часто мнѣ говаривалъ: «Если вы пробудете у меня полтора года, то сдѣлаете успѣхи и станете доставлять удовольствіе и себѣ, и другимъ».

— Но какъ же узнать, спросилъ я, заинтересованный слышаннымъ,—есть ли у человѣка талантъ къ пластическимъ искусствамъ, или нѣтъ?

— Настоящій талантъ обладаетъ природнымъ чувствомъ формы, соотношеній и красокъ, такъ что, при нѣкоторомъ руководствѣ, онъ очень скоро и

правильно начинаетъ дѣлать все это. Особенно же у него развито чувство тѣлесности, и есть стремленіе при помощи освѣщенія нарисовать такъ, чтобъ предметъ хотѣлось схватить руками. И въ промежуткахъ между работой, онъ дѣлаетъ успѣхи и внутренно растетъ. Такой талантъ не трудно распознать, и скорѣй всѣхъ его увидитъ мастеръ. — Сегодня утромъ я былъ во дворцѣ, продолжалъ Гете; — комнаты герцогини отдѣланы очень изящно и со вкусомъ; Кудрэ со своими итальянцами представилъ новое доказательство своей умѣлости. Живописцы еще расписываютъ стѣны; ихъ двое, они миланцы; я сейчасъ же заговорилъ съ ними по-итальянски и замѣтилъ, что еще не забылъ языка. Они рассказали мнѣ, что передъ этимъ расписывали комнаты виртембергскаго короля, и затѣмъ должны были отправиться въ Готу, но не могли сойтись въ условіяхъ; въ это время о нихъ узнали въ Веймарѣ и пригласили сюда расписывать комнаты великой герцогини. Я очень охотно говорилъ и слушалъ итальянскія слова: въ языкѣ есть какъ бы родъ атмосферы страны. Они уже три года какъ изъ Италіи; но, какъ сказали, отсюда прямо поспѣшать домой; впрочемъ, раньше, по заказу г. фонъ-Шпигеля, еще нарисуютъ декорацію для театра, на что вы, конечно, не разсердитесь: они очень способные люди; одинъ изъ нихъ ученикъ лучшаго декоратора въ Миланѣ, и вы можете разсчитывать на хорошую декорацію.

Когда Фридрихъ собралъ со стола, Гете приказалъ принести небольшой планъ Рима.

— Намъ, сказалъ Гете, — въ Римѣ нельзя оставаться долго; кто тамъ хочетъ остаться и поселиться навсегда, долженъ жениться и перейти въ католичество; иначе онъ не уживется, и ему придется

плохо. Гакерту нечего хвалиться тѣмъ, что, будучи протестантомъ, онъ долго тамъ прожилъ.

Гете сталъ мнѣ указывать на планъ замѣчательныя зданія и мѣста.

— Вотъ сады Фарнезе, сказалъ онъ.

— Вы тамъ написали сцену вѣдьмъ въ *Фаустъ*?

— Нѣтъ, въ саду Боргезе.

Я сталъ разсматривать ландшафты Клода Лоррена, и мы много еще говорили объ этомъ великомъ мастерѣ.

— Развѣ, спросилъ я, — современный молодой живописецъ не можетъ образоваться на немъ?

— Если у него такая же душа, то, безъ сомнѣнія, онъ можетъ превосходно развиться на Клодѣ Лорренѣ. Но тотъ, кому природа не дала подобныхъ душевныхъ даровъ, заимствовалъ бы отъ этого мастера, въ лучшемъ случаѣ, только частности и пользовался бы ими, какъ отдѣльными фразами.

Суббота, 11-го апрѣля 1829.

Сегодня столъ былъ накрытъ въ длинной залѣ, и притомъ на много приборовъ. Гете и г-жа фонъ-Гете встрѣтили меня очень дружелюбно. Постепенно собрались: г-жа Шопенгауеръ¹⁾, молодой графъ Рейнгардъ изъ французскаго посольства, его зять, г. фонъ-Д., который здѣсь проѣздомъ и отправляется на русскую службу противъ турокъ, m-lle Ульрика и, наконецъ, придворный совѣтникъ Фогель.

Гете былъ въ особенно веселомъ настроеніи; передъ обѣдомъ онъ угостилъ гостей нѣсколькими забавными франкфуртскими разсказами, особенно

¹⁾ Мать знаменитаго философа.

о томъ, какъ Ротшильдъ и Бетманнъ мѣшали другъ другу въ спекуляціяхъ.

Графъ Рейнгардъ отправился ко двору, а мы сѣли за столъ. Разговоръ былъ пріятный и оживленный, говорили о путешествіяхъ, о водахъ; г-жа Шопенгауеръ особенно интересовалась устройствомъ своего новаго помѣстья на Рейнѣ, близъ острова Нонненвертъ. Къ десерту снова явился графъ Рейнгардъ; его похвалили за скорость: въ которое время онъ успѣлъ не только пообѣдать при дворѣ, но и дважды переодѣться. Онъ привезъ извѣстіе, что избранъ новый папа, именно Кастильоне, а Гете рассказалъ о формальностяхъ, которыя соблюдаются при выборѣ папъ. Графъ Рейнгардъ, прожившій зиму въ Парижѣ, могъ сообщить много желательныхъ свѣдѣній объ извѣстныхъ государственныхъ людяхъ, литераторахъ и поэтахъ. Говорили о Шатобріанѣ, Гизо, Сальванди, Беранже, Мериме и другихъ.

Послѣ обѣда, когда всѣ разошлись, Гете повелъ меня въ свой кабинетъ и показалъ мнѣ двѣ въ высшей степени замѣчательныя рукописи, доставившія мнѣ большое удовольствіе. То были два письма самаго Гете, которыя онъ въ молодости написалъ изъ Страсбурга во Франкфуртъ своему другу, Дг. Горну, одно въ іюлѣ, другое въ декабрѣ 1790 г. Въ обоихъ виденъ молодой челоѣкъ, имѣющій предчувствіе о великомъ, предстоящемъ ему дѣлѣ. Въ послѣднемъ уже замѣтны слѣды *Вертера*; знакомство въ Зезенгеймѣ¹⁾ уже завязано, и счастливый юноша, повидимому, въ опьяненіи отъ сладостныхъ ощущеній и проводитъ свое время на половину въ мечтахъ. Почеркъ письма спокойный, чистый и красивый, и въ

¹⁾ См. *Правда и Поэзія* кн. X и XI.

немъ есть уже тѣ характерные признаки, которые впоследствии приобрѣла рука Гете. Я не могъ удержаться и прочелъ нѣсколько разъ милое письмо, и ушелъ отъ Гете въ счастливомъ и благодарственномъ расположеніи духа.

Воскресенье, 12-го апрѣля 1829.

Гете прочелъ мнѣ свой отвѣтъ королю баварскому. Онъ изобразилъ въ немъ себя, входящимъ въ виллу и лично бесѣдующимъ съ королемъ.

— Должно быть трудно, сказалъ я, — найти надлежащій тонъ, котораго слѣдуетъ держаться въ подобныхъ случаяхъ.

— Для того, кто, подобно мнѣ, всю жизнь имѣлъ сношенія съ высокими особами, это не трудно. Тутъ единственное средство — не позволять себѣ быть вполне человѣкомъ и постоянно соблюдать извѣстныя условности.

Гете заговорилъ затѣмъ о редакціи своего *Второго пребыванія въ Римъ*, чѣмъ онъ теперь занятъ.

— Изъ писемъ, написанныхъ мною въ этотъ періодъ, сказалъ онъ, — я вполне ясно вижу, что всякій возрастъ имѣетъ свои выгоды и невыгоды по сравненію съ предыдущими и послѣдующими годами. Нѣкоторыя вещи на сороковомъ году моей жизни были для меня такъ же ясны и понятны, какъ и теперь, и во многихъ отношеніяхъ даже лучше; но теперь, восьмидесяти лѣтъ, я обладаю нѣкоторыми преимуществами, которыхъ не промѣняю на тѣ.

— Когда вы говорили, мнѣ припомнились *Метаморфозы растений*, и я понялъ, что изъ періода цвѣтка не желательно возвратиться къ періоду зеленыхъ листьевъ, и отъ періода сѣмени и плода ко времени цвѣтенія.

— Ваше сравненіе вполне выражаетъ мою мысль, сказалъ Гете.—Вообразите себѣ красивый зубчатый листъ, смѣясь продолжалъ Гете;—какъ вы думаете, захочетъ ли онъ отъ состоянія свободнаго развитія возвратиться къ глухой ограниченности сѣмянной доли? И очень мило то, что растеніе можетъ служить и символомъ маститой старости: пройдя періодъ цвѣтенія и плодоношенія, оно, безъ дальнѣйшей производительности, можетъ еще отлично расти.—Худо то, что въ жизни намъ часто мѣшаютъ ложныя стремленія, и что ихъ поймешь только тогда, когда отъ нихъ освободишься.

— Но по чему же можно замѣтить и узнать, что данное стремленіе хорошо? спросилъ я.

— Ложныя стремленія непроизводительны, отвѣчалъ Гете,—а если и производительны, то ихъ плоды ничего не стоятъ. Замѣтить это у другого не очень трудно, но у себя—иное дѣло, и требуетъ большой свободы духа. Притомъ, и узнавъ, не всегда можешь дѣлу: медлишь и сомнѣваешься, и не можешь рѣшиться; это такъ же трудно, какъ разорвать съ любимой дѣвушкой, не смотря на то, что давно уже имѣются неоднократныя указанія на ея невѣрность. Я говорю это потому, что помню, сколько лѣтъ потребовалось мнѣ на то, чтобъ я увидалъ, что мое стремленіе къ пластическимъ искусствамъ—ложное, и сколько лѣтъ на то, чтобъ освободиться отъ него уже послѣ такого сознанія.

— Новамъ это стремленіе принесло столько пользы, что врядъ ли его можно назвать ложнымъ.

— Оно развило во мнѣ проницательность, и я этимъ могу успокоиться. Такую пользу мы, впрочемъ, извлекаемъ изъ всѣхъ ложныхъ стремленій. Кто, не имѣя значительнаго таланта, занимается

музыкой, тотъ, конечно, никогда не станетъ мастеромъ, но при этомъ научиться распознавать и цѣнить сдѣланное мастеромъ. Не смотря на всѣ мои старанія, я, конечно, не сталъ художникомъ, но благодаря тому, что я изучалъ искусство во всѣхъ частяхъ, я научился давать себѣ отчетъ во всякомъ штрихѣ и отличать замѣчательное отъ недостаточнаго. А это не малая польза, и рѣдко ложное стремленіе бываетъ бесполезно. Напримѣръ, крестовые походы ради освобожденія гроба Господня были явно ложнымъ стремленіемъ, но они принесли ту пользу, что ослабили турокъ и воспрепятствовали имъ стать господами всей Европы.

Мы разговаривали о различныхъ вещахъ, и затѣмъ Гете перешелъ къ одному сочиненію о Петрѣ Великомъ, именно Сегюра¹⁾; оно интересовало его и привело къ нѣкоторымъ заключеніямъ.

— Положеніе Петербурга, сказалъ онъ, — исполнѣ непростительно, особенно если вспомнишь, что почва возвышается поблизости отъ него, и что императоръ могъ охранить городъ отъ наводненій, поставивъ его нѣсколько выше и оставивъ въ низовьяхъ только гавань. Старый морякъ дѣлалъ ему предостереженіе и предсказывалъ, что каждые семьдесятъ лѣтъ народонаселеніе будетъ гибнуть отъ наводненія. Стояло и старое дерево, на которомъ были видны слѣды высокой воды. Но все тщетно: императоръ заупрямился, и приказалъ срубить свидѣтельствовавшее противъ него дерево. Согласитесь, что въ такомъ поступкѣ столь великаго человѣка есть нѣчто загадочное. Знаете ли, чѣмъ я его объясняю? Чело-

¹⁾ Histoire de Russie et de Pierre le Grand Сегюра вышла въ 1829 г.

вѣку не возможно освободиться отъ впечатлѣній своей юности, и это доходитъ до того, что даже вещи, страдающія недостатками, но къ которымъ онъ привыкъ въ юности и среди которыхъ жилъ въ эти счастливые годы, остаются для него и впослѣдствіи дорогими и кажутся хорошими; онъ точно ослѣпленъ ими и не видитъ въ нихъ никакихъ недостатковъ. Такъ и Петру Великому хотѣлось построить въ устьяхъ Невы любезный ему въ юности Амстердамъ; такъ и голландцы всегда, въ самыхъ отдаленныхъ своихъ владѣніяхъ, стараются устроить новый Амстердамъ.

Понедѣльникъ, 13-го апрѣля 1829.

Сегодня за обѣдомъ Гете говорилъ много хорошаго, а за десертомъ я угостилъ себя еще нѣсколькими ландшафтами Клода Лоррена. «Это собраніе», сказалъ Гете, «носить заглавіе *Liber veritatis*, его можно бы съ такимъ же правомъ назвать *Liber naturae et artis*, потому что въ немъ и искусство, и природа на высшей своей ступени и въ прекраснѣйшемъ союзѣ».

Я спросилъ Гете о происхожденіи Клода Лоррена и въ какой школѣ онъ образовался.—Его ближайшимъ учителемъ, отвѣчалъ онъ,—былъ Антоніо Тассо, который былъ ученикомъ Павла Брилля¹⁾; собственно основой послужили школа и правила Брилля и въ извѣстной степени въ немъ они и достигли разцвѣта, ибо то, что у этого мастера является еще въ строгомъ и суровомъ видѣ, у Клода Лоррена пріобрѣтаетъ ясную прелесть и пріятную свободу. Больше

¹⁾ Павелъ Бриллъ род. въ 1554 г., въ Антверпенѣ, и умеръ въ 1626 г., въ Римѣ.

о немъ ничего не извѣстно. Впрочемъ, о такомъ великомъ талантѣ, жившемъ въ такое замѣчательное время и въ такой обстановкѣ, едва ли можно сказать, у кого онъ учился. Онъ осмотрѣлся и усвоилъ себѣ все, въ чемъ нашелъ пищу для своихъ стремлений. Клодъ Лорренъ безспорно обязанъ столько же Карраччи, какъ и своимъ ближайшимъ извѣстнымъ учителямъ. Обыкновенно говорятъ, что Джуліо Романо былъ ученикомъ Рафаэля; но съ такимъ же правомъ можно бы сказать, что онъ ученикъ своего вѣка. Только у Гвидо Рени былъ ученикъ, который до того воспринялъ въ себя духъ, чувство и искусство своего учителя, что сдѣлался почти имъ самимъ и рисовалъ почти то же; но это единственный случай, который врядъ ли повторялся. Въ школѣ Карраччи, напротивъ, царствовала свобода; при ихъ помощи, всякій талантъ развивался въ своемъ прирожденномъ направленіи, и ни одинъ не былъ похожъ на другого. Карраччи были какъ бы прирожденные учителя искусства; они жили въ такое время, когда лучшее почти во всѣхъ отрасляхъ было уже сдѣлано, а потому они могли передать своимъ ученикамъ самое образцовое во всѣхъ родахъ. Они были великіе художники, великіе учителя, но я не могу сказать, чтобъ они были умными (*geistreich*) въ прямомъ смыслѣ слова. Это немного смѣло сказано, но мнѣ такъ кажется.

Просмотрѣвъ еще нѣсколько ландшафтовъ Клода Лоррена, я взялъ художественный словарь, чтобъ справиться, что въ немъ сказано объ этомъ великомъ мастерѣ. Тамъ было напечатано: «его главная заслуга состояла въ его палитрѣ». Мы переглянулись и расхохотались. «Видите ли», сказалъ Гете,

«какъ многому можно научиться, придерживаясь книгъ и усвояя себѣ то, что напечатано».

Вторникъ, 14-го апрѣля 1829.

Когда я вошелъ къ Гете нынче утромъ, онъ сидѣлъ у стола съ придворнымъ совѣтникомъ Мейеромъ; они говорили объ Италіи и искусствѣ. Гете приказалъ принести томъ Клода Лоррена, и Мейеръ нашелъ въ немъ и показалъ намъ ландшафтъ, оригиналь котораго Пиль, по газетнымъ извѣстіямъ, купилъ за четыре тысячи фунтовъ. Надо сознаться, что картина прекрасная и г. Пиль сдѣлалъ недурную покупку. На правой сторонѣ картины взглядъ падаетъ на группу сидящихъ и стоящихъ людей. Пастухъ наклонился къ дѣвушкѣ, которой, видимо, объясняетъ, какъ надо дуть въ свирѣль. Въ серединѣ освященное солнечнымъ сіяніемъ озеро, а слѣва—стадо пасется въ лѣсной тѣни. Обѣ группы превосходно уравнированы, и волшебство освѣщенія, по обычной методѣ мастера, производитъ могущественное впечатлѣніе. Была рѣчь о томъ, гдѣ раньше находилась картина и кому принадлежала, когда Мейеръ видѣлъ ее.

Затѣмъ Мейеръ перешелъ къ новой покупкѣ баварскаго короля въ Римѣ. «Я отлично знаю эту виллу», сказалъ Мейеръ, «я часто въ ней бывалъ и съ удовольствіемъ вспоминаю о ея прекрасномъ положеніи. Дворецъ посредственный, но король, конечно, его отдѣляетъ и сдѣлаетъ его пріятнымъ для себя мѣстожительствомъ. Въ мое время въ немъ жила герцогиня Амалия, а во флигелѣ Гердеръ. Позже въ немъ жили герцогъ Суссексъ и графъ Мюнстеръ. Знатные иностранцы очень любили эту

виллу, именно благодаря рѣдкому положенію и великолѣпному виду».

Я спросилъ Мейера, далеко ли отъ *Villa di Malta* до Ватикана.

— Отъ *Trinita di Monte*, близъ виллы, гдѣ жили мы, художники, до Ватикана полъ-часа ходьбы. Мы ходили туда каждый день, иногда и по нѣскольکو разъ въ день.

— Мнѣ кажется, замѣтилъ я,—что дорога черезъ мость длиннѣе; по-моему, ближе бы переѣхать черезъ Тибръ и пройти полемъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Мейеръ,—но мы тоже держались этого мнѣнія, и часто убѣждали себя, что ближе. Я помню одну такую переправу; мы возвращались изъ Ватикана чудной мѣсячной ночью. Изъ знакомыхъ были Бюри, Гиртъ и Липсъ; завязался обычный споръ, кто выше—Рафаэль или Микель-Анджело. Споря, сѣли мы въ лодку. Мы подѣхали къ другому берегу, а споръ былъ все еще горячій, и тутъ какой-то весельчакъ, помнится Бюри, предложилъ не выходить изъ лодки до тѣхъ поръ, пока споръ не кончится и партіи не согласятся. Предложеніе было принято, и лодочнику пришлось отчалить и ѣхать назадъ. Но тутъ-то споръ и разгорѣлся, и намъ, подѣхавъ къ берегу, приходилось отталкиваться и ѣхать назадъ: споръ никакъ не кончался. Такъ мы часъ ѣздили взадъ и впередъ, и лучше всѣхъ было лодочнику, который за всякій переѣздъ получилъ съ насъ байоки. Съ нимъ былъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ, который ему помогалъ и наконецъ пришелъ въ совершенное изумленіе. «Отецъ», спросилъ онъ, «отчего эти люди не хотятъ выйти на берегъ, и чуть мы пристанемъ къ берегу, возвращаются назадъ?» — Не знаю, сынокъ, от-

вѣчалъ лодочникъ, но думаю, что они съ ума сошли. Наконецъ, чтобъ не кататься всю ночь взадъ и впередъ, мы поневолѣ должны были придти къ соглашенію, и вышли на берегъ.

Мы посмѣялись отъ души надъ этимъ разсказомъ о художническомъ сумасбродствѣ. Придворный совѣтникъ Мейеръ былъ въ отличномъ расположеніи духа, и продолжалъ разсказывать о Римѣ. Мы съ Гете слушали съ удовольствіемъ.

— Споръ о Рафаэлѣ и Микелѣ Анджело, говорилъ онъ, — былъ тогда за обычай и велся ежедневно, всюду, гдѣ встрѣчались художники и оказывалось по нѣсколько человѣкъ изъ обѣихъ партій. Особенно возгорался онъ въ одной остеріи, гдѣ давали хорошее и очень дешевое вино; указывали на картины, на ихъ отдѣльныя части, и когда противная партія оспаривала и ни тѣ, ни другіе не хотѣли согласиться, то являлась необходимость непосредственно взглянуть на картину. Въ спорѣ выходили изъ остеріи, и быстрыми шагами направлялись въ Сикстинскую капеллу, ключъ отъ которой былъ у нѣкотораго сапожника, и онъ за четыре гроша отпиралъ двери. Тутъ, передъ картинами дѣлались указанія и, поспоривъ достаточное время, возвращались опять въ остерію осушить бутылку вина и забыть всѣ пререканія. Такъ продолжалось изо дня въ день, и сапожникъ у Сикстинской капеллы зарабатывалъ много, получая по четыре гроша.

При этомъ случаѣ вспомнили о другомъ сапожникѣ, который мять кожу на античной мраморной головѣ. «То былъ портретъ какого то римскаго императора», сказалъ Мейеръ; «антикъ стоялъ у сапожника передъ дверью, и мы, проходя мимо, часто видѣли его за этимъ достохвальнымъ занятіемъ».

Среда, 15-го апрѣля 1829.

Мы говорили о людяхъ, которые, не имѣя настоящаго таланта, принуждены производить, и о такихъ, что пишутъ о вещахъ, коихъ не разумѣютъ.

«Соблазнъ для молодыхъ людей состоитъ въ слѣдующемъ», сказалъ Гете. «Мы живемъ въ такое время, когда образованность сильно распространена,—она такъ сказать примѣшана къ атмосферѣ, которой дышетъ молодой человѣкъ. Поэтическія и философскія мысли живутъ и движутся въ немъ; онъ ихъ вдохнулъ съ окружающимъ его воздухомъ, и думаетъ, что онѣ его собственность и высказываетъ ихъ какъ свои. Но, отдавъ вѣку то, что получилъ отъ него, онъ становится нищимъ. Онъ похожъ на ручей, который течетъ отъ нашоенной воды, и перестаетъ струиться, какъ только будетъ исчерпанъ заемный запасъ».

Вторникъ, 1-го сентября 1829.

Я рассказывалъ Гете объ одномъ проѣзжемъ, который слышалъ лекцію Гегеля о доказательствѣ бытія Божія.

«Періодъ сомнѣнія миновалъ», сказалъ онъ: «теперь уже никто не сомнѣвается ни въ самомъ себѣ, ни на счетъ Бога. Природа Божія, безсмертіе, сущность нашей души и ея соединеніе съ тѣломъ, все это вѣчныя задачи, и философы не подвинутъ ихъ рѣшенія. Одинъ новѣйшій французскій философъ совершенно спокойно началъ свое разсужденіе слѣдующимъ образомъ: «Извѣстно, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ частей, изъ тѣла и души. Поэтому мы начнемъ съ тѣла, а потомъ скажемъ о душѣ». Фихте шелъ нѣсколько дальше, и умнѣ выпутался

изъ затрудненія, сказавъ: «Мы станемъ говорить о чело-вѣкѣ, разсматриваемомъ какъ тѣло, и о чело-вѣкѣ, разсматриваемомъ какъ душа». Онъ прекрасно чувствовалъ, что такое столь тѣсно связанное цѣ-лое раздѣлить нельзя. Кантъ, безъ сомнѣнія, при-несъ наибольшую пользу, указавъ границу, до ко-торой способенъ проникать умъ человѣческій, и что онъ долженъ оставить въ покоѣ наразрѣшимыя за-дачи. Чего только не философствовали относительно безсмертія! и до чего же дошли? Я не сомнѣваюсь въ будущей жизни, ибо природа не можетъ обо-итись безъ энтелехіи; но мы безсмертны не одина-ково, и чтобы въ будущей жизни обнаружиться какъ великая энтелехія—нужно быть ею.

«Но въ то время, какъ нѣмцы мучатъ себя рѣ-шеніемъ философскихъ задачъ, англичане со сво-имъ большимъ практическимъ разсудкомъ смѣются надъ нами и забираютъ весь свѣтъ. Всѣ знаютъ ихъ разглагольствованія противъ торговли рабами, но вотъ, въ то время когда они насъ хотятъ увѣ-рить, будто въ основѣ ихъ поступковъ положены гуманныя идеи, оказывается, что истинная причина состоитъ въ весьма реальномъ предметѣ; безъ этого, какъ извѣстно, англичане ничего не предприни-маютъ,—что и слѣдовало бы помнить. Они сами поль-зуются неграми на западномъ берегу Африки въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ, а потому вывозъ негровъ противенъ ихъ интересамъ. Въ Америкѣ они сами основали большія негритянскія колоніи, которыя очень продуктивны, и приносятъ хорошій доходъ отъ продажи негровъ; они удовлетворяютъ при помощи ихъ сѣвероамериканскія требованія; такимъ образомъ, они ведутъ очень выгодный торгъ и ввозъ негровъ извнѣ сталь бы поперегъ ихъ мер-

катильнымъ интересамъ, а потому они не безъ причины проповѣдуютъ противъ безчеловѣчной торговли. Противъ нея очень горячо говорилъ англійскій посланникъ еще во времена Вѣнскаго конгресса; но португальскій уполномоченный весьма умно и съ полнымъ спокойствіемъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, что на конгрессъ собрались ради учрежденія мірового трибунала, или для утвержденія нравственныхъ началъ. Онъ знаетъ очень хорошо побужденія англичанъ, и у него были свои цѣли, которыя онъ съумѣлъ защитить и достигнуть».

Воскресенье, 6-го декабря 1829.

Сегодня послѣ обѣда Гете прочелъ мнѣ первую сцену второго дѣйствія *Фауста*. Впечатлѣніе было большое; душа моя исполнилась счастья. Мы вновь переносимся въ кабинетъ Фауста, и Мефистофель находитъ все на старомъ мѣстѣ, какъ оно осталось. Онъ снимаетъ съ крючка шубу Фауста; оттуда вылетаетъ тысяча молей и насѣкомыхъ, и Мефистофель, говоря куда онѣ прячутся, весьма явственно обрисовываетъ все окружающее. Онъ надѣваетъ шубу, и пока Фаустъ лежитъ за занавѣской въ параличномъ состояніи, вновь разыгрываетъ роль хозяина. Онъ звонитъ; колокольъ производитъ такой страшный звукъ въ уединенныхъ старинныхъ монастырскихъ залахъ, что двери распахиваются и трясутся стѣны. Вбѣгаетъ *famulus* и видитъ, что Мефистофель сидитъ на стулѣ Фауста; онъ не знаетъ, но уважаетъ его. На вопросъ, онъ отвѣчаетъ на счетъ Вагнера, который, тѣмъ временемъ, сталъ знаменитостью и все еще надѣется на возвращеніе своего профессора. Мы узнаемъ, что онъ въ настоящую минуту сильно занятъ въ лаборато-

рии, стараясь произвести гомункула. *Famulus* уходит; входит бакалавръ, тотъ самый, который нѣсколько лѣтъ назадъ являлся передъ нами въ видѣ робкаго молодого студента; надъ нимъ еще насмѣхался Мефистофель въ платѣ Фауста. Онъ тѣмъ временемъ возмужалъ, и сталъ до того высококомѣренъ, что самъ Мефистофель не въ силахъ сладить съ нимъ, и все отодвигается отъ него на стулѣ, и наконецъ поварачивается къ партеру.

Гете прочелъ сцену до конца. Я радовался его юношеской производительности и тому, какъ все было тѣсно связано одно съ другимъ.

— Замыселъ очень старый, сказалъ Гете, — и я обдумывалъ его пятьдесятъ лѣтъ, а потому внутренняго матеріала накопилось такъ много, что теперь трудно рѣшить, что изъ него выбрать и отбросить. Изобрѣтеніе всей второй части дѣйствительно такъ старо, какъ я говорю. Но для дѣла выгодно, что я начинаю писать теперь, когда уяснилъ себѣ дѣла міра сего. Со мной случилось то же, какъ если-бъ у кого въ молодости было много мелкихъ, серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ, и онъ втеченіе всей своей жизни размѣнивалъ ихъ, и все его юношеское достояніе теперь у него оказалось въ чистомъ золотѣ.

Мы говорили о лицѣ бакалавра.

— Не изобразили ли вы въ немъ извѣстный родъ философовъ-идеалистовъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гете; — онъ олицетворенное высококомѣріе; оно особенно свойственно юности, и въ первые годы послѣ войны за освобожденіе у насъ было довольно выдающихся примѣровъ этого. Всякій въ юности думаетъ, что міръ начинается собственно имъ, и что все собственно существуетъ

ради него. И дѣйствительно, на востокѣ существовалъ человѣкъ, который всякое утро созывалъ слугъ и не отпускалъ ихъ на работу, пока не отдавалъ приказа, чтобъ солнце взошло. Онъ, впрочемъ, былъ настолько уменъ, что отдавалъ приказъ въ тотъ моментъ, когда солнце начинало всходить.

Мы еще много говорили о *Фаустѣ*, о его созданіи и другихъ относящихся сюда вещахъ. Гете нѣкоторое время былъ въ тихой задумчивости, и затѣмъ сказалъ слѣдующее:

— Когда станешь старикомъ, то о свѣтѣ думаешь иначе, чѣмъ въ молодости. И вотъ я не могу отдѣлаться отъ мысли, что демоны, чтобъ подразнить человѣчество и подсмѣяться надъ нимъ, выдвигаютъ отдѣльныя личности, которыя столь привлекательны, что всякій стремится сравниться съ ними, и такъ велики, что никто до нихъ не достигнетъ. Такъ они выдвинули Рафаэля, у котораго и мысль, и дѣло были равно совершенны; нѣкоторые изъ его лучшихъ послѣдователей приближались къ нему, но ни одинъ не сравнялся съ нимъ. Такъ и Моцартъ выдвинутъ ими, какъ нѣчто недостижимое въ музыкѣ. Таковъ въ поэзіи Шекспиръ. Я знаю, что вы можете сказать мнѣ противъ него, но я разумѣю только его природныя способности, его врожденное величіе. Такъ же недостижимъ и Наполеонъ. Что русскіе показали умѣренность и не дошли до Константинополя — черта великая, но и она есть и въ Наполеонѣ: онъ также умѣрилъ себя и не пошелъ въ Римъ.

На эту богатую тему напрашивается много подобнаго; но я про себя думалъ, что и относительно Гете демоны могли поступить точно такъ же; онъ также личность черезчуръ привлекательная, чтобъ

не подражать ему, но и черезчуръ большая, чтобъ можно было сравниться съ нимъ.

Среда, 16-го декабря 1829.

Сегодня послѣ обѣда Гете прочелъ мнѣ вторую сцену второго дѣйствія *Фауста*, гдѣ Мефистофель приходитъ къ Вагнеру, который хочетъ, при помощи химическаго искусства, создать человѣка. Дѣло удается; гомункулъ является въ стеклянкѣ въ видѣ свѣтящагося существа, тотчасъ-же готоваго къ дѣятельности. Онъ отклоняетъ вопросы Вагнера относительно непостижимыхъ вещей: разсуждать не его дѣло; онъ хочетъ *дѣйствовать*, а тутъ вблизи нашъ герой, Фаустъ, параличное состояніе котораго требуетъ высшей помощи. Какъ существо, для котораго настоящее вполнѣ ясно и прозрачно, гомункулъ видитъ въ душѣ спящаго Фауста; тому снится прекрасный сонъ, какъ въ прелестной мѣстности къ купающейся Ледѣ подплываетъ лебедь. Когда гомункулъ разсказываетъ этотъ сонъ, передъ нашей душой проходитъ восхитительная картина. Мефистофель ничего этого не видитъ, и гомункулъ подсмѣивается надъ его сѣверной природой.

— Вообще слѣдуетъ замѣтить, сказалъ Гете, — что Мефистофель относительно гомункула въ невыгодномъ положеніи; тотъ равенъ ему по умственной ясности, но по своему стремленію къ прекрасному и полезной дѣятельности слишкомъ его превосходитъ. Впрочемъ, онъ зоветъ его двоюроднымъ братомъ; такіе духи, какъ гомункулъ, которые еще не приобрѣли вполнѣ затемненнаго и ограниченнаго человѣческаго существованія, причисляются къ демонамъ, а потому между ними обоими и существуетъ родъ родства.

— Конечно, сказалъ я,—Мефистофель является тутъ въ подчиненномъ положеніи; но я не могу отдѣлаться отъ мысли, что онъ тайно способствовалъ образованію гомункула; мы знаемъ его за существо, дѣйствующее тайно, и такимъ является онъ и въ *Еленѣ*. Но въ цѣломъ онъ стоитъ высоко, а потому, въ своемъ возвышенномъ спокойствіи, можетъ въ частности и снести кое-что терпѣливо.

— Вы очень правильно понимаете ихъ отношенія, сказалъ Гете;—такъ оно и есть, и я уже подумывалъ, не слѣдуетъ ли вложить въ уста Мефистофелю, въ то время когда онъ приходитъ къ Вагнеру и гомункулъ еще не существуетъ, нѣсколько стиховъ, которые выражали-бы его сотрудничество и уясняли дѣло читателю.

— Это не повредитъ, сказалъ я.—Впрочемъ, намекъ на это уже есть; Мефистофель сцену съ Вагнеромъ заключаетъ словами: «Въ концѣ концовъ, мы сами зависимъ отъ нами же созданныхъ креатуръ».

— Ваша правда, для внимательнаго читателя этого достаточно, а я все таки подумаю о вставкѣ стиховъ.

— Но эти заключительныя слова такъ мѣткі, что ихъ не скоро забудешь.

— Да, ихъ хватитъ на долго, сказалъ Гете. — Отецъ, у котораго шесть сыновей, человѣкъ погибшій, какъ онъ ни устраивайся. И королямъ, и министрамъ, которые вывели многихъ въ люди, эти слова напомнятъ кое-что, извѣстное имъ изъ опыта.

Мнѣ снова вспомнился сонъ Фауста о Ледѣ, и эта подробность показалась мнѣ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ въ поэмѣ.

— Странно, сказалъ я,—какъ въ подобныхъ про-

изведеніяхъ отдѣльныя части тѣсно связаны между собою; какъ онѣ дѣйствуютъ одна на другую, пополняютъ и возвышаютъ другъ друга. Этимъ сномъ о Ледѣ во второмъ актѣ полагается основаніе для послѣдующаго появленія Елены. Тамъ постоянно говорятъ о лебедяхъ и дѣтяхъ лебедей, а здѣсь передъ нами самый фактъ; когда впослѣдствіи, зная уже чувственное выраженіе этого положенія, мы дойдемъ до Елены, то какъ благодаря этому все явится въ болѣе отчетливомъ и полномъ видѣ!

Гете нашелъ, что я правъ, и мое замѣчаніе, по видимому, ему понравилось.

— Вы увидите также, что уже въ этихъ первыхъ дѣйствіяхъ звучатъ и классическія, и романтическія имена, что говорится и о томъ, и о другомъ; все это составляетъ какъ бы постепенно подымающуюся мѣстность къ *Еленѣ*, гдѣ обѣ формы поэзіи выступаютъ вполнѣ и находятъ родъ примиренія... Французы, продолжалъ Гете, — теперь также начинаютъ правильно судить объ отношеніи этихъ формъ поэзіи. «Все равно хорошо», говорятъ они, «и классическое, и романтическое, и дѣло сводится къ тому, чтобъ съ умомъ пользоваться этими формами и явиться въ нихъ прекраснымъ писателемъ. Но можно быть нелѣпымъ въ обѣихъ формахъ, и въ такомъ случаѣ ни одна изъ нихъ не годится». Я думаю, что это умное и хорошее слово, и что на немъ пока можно успокоиться.

Воскресенье, 20-го декабря 1829.

Обѣдалъ у Гете. Мы говорили о канцлерѣ, и я спросилъ Гете, не сообщалъ ли онъ ему, по пріѣздѣ изъ Италіи, какихъ либо новостей относительно Манцони.

— Онъ мнѣ писалъ о немъ, сказалъ Гете.—Канцлеръ былъ у Манцони; онъ живетъ въ своемъ помѣстьи близъ Милана, и, къ моему огорченію, постоянно боленъ.

— Странно, сказалъ я,—что выдающіеся таланты, особенно поэты, такъ часто обладаютъ слабымъ сложеніемъ.

— Необыкновенныя произведенія этихъ людей, сказалъ Гете,—требуютъ весьма тонкой организаціи, ради того, чтобъ они были способны къ исключительной чувствительности и къ воспріятію небесныхъ голосовъ. Такая организація, при столкновеніи съ міромъ и стихіями, легко разстраивается и повреждается, и въ комъ, какъ въ Вольтерѣ, большая чувствительность не соединяется съ необыкновенной живучестью, тотъ легко подвергается постоянному нездоровью. Шиллеръ былъ также постоянно боленъ. Когда я съ нимъ познакомился, то думалъ, что онъ не проживетъ и мѣсяца. Но онъ обладалъ извѣстной живучестью; онъ продержался еще много лѣтъ, и при болѣе здоровомъ образѣ жизни могъ бы прожить еще дольше.

Мы заговорили о театрѣ и о томъ, въ какой мѣрѣ удалось нѣкоторое представленіе.

— Я видѣлъ Унцельманна въ этой роли, сказалъ Гете;—онъ нравился, и именно большой свободой духа, которую сообщалъ и зрителю. Въ сценическомъ искусствѣ то же, что въ другихъ искусствахъ. То, что художникъ производитъ, или произвелъ, приводитъ насъ въ то же настроеніе, въ какомъ онъ самъ находился, создавая произведеніе. Свободное настроеніе художника приводитъ и насъ въ такое же настроеніе; напротивъ, если онъ чувствовалъ себя тогда стѣсненнымъ, то и намъ становится не по себѣ.

Эта свобода появляется въ художникѣ въ томъ случаѣ, когда произведеніе ему выполнѣ по силамъ; мы оттого и чувствуемъ себя такъ хорошо передъ голландскими картинами, что эти художники изображали окружающую ихъ жизнь, которую знали выполнѣ. Чтобы мы и въ актерѣ почувствовали ту же свободу духа, онъ долженъ, при помощи изученія, фантазіи и своихъ природныхъ данныхъ, сдѣлаться выполнѣ властелиномъ своей роли, чтобы всѣ тѣлесныя средства были у него въ повиновеніи, и сверхъ того его должна поддерживать нѣкотораго рода юношеская энергія.—Одного изученія не достаточно, безъ воображенія, а обоихъ ихъ недостаточно безъ природныхъ средствъ. Женщины по большей части все дѣлають при помощи воображенія и темперамента,—этимъ и брала Вольфъ.

Мы разговаривали и дальше на эту тему, причемъ вспоминали съ уваженіемъ замѣчательнѣйшихъ актеровъ веймарской сцены, а равно объ ихъ отдѣльныхъ роляхъ.

Я снова вспомнилъ о *Фаустѣ*, и мнѣ пришло въ голову, какимъ образомъ можно изобразить гомункула на сценѣ.

— Если его самого и не видно, сказалъ я,—то все же долженъ быть виденъ свѣтъ въ стклянкѣ, а то что онъ говоритъ на столько значительно и должно быть произнесено такъ, какъ не возможно требовать отъ ребенка.

— Вагнеръ не долженъ выпускать стклянки изъ рукъ, сказалъ Гете,—и голосъ долженъ звучать такъ, чтобы казалось, будто онъ исходитъ изъ стклянки. Это роль для чревоушателя въ родѣ тѣхъ, какихъ я слышалъ; онъ, конечно, съумѣлъ бы справиться съ дѣломъ.

Говорили также о большомъ маскарадѣ, и насколько возможно на сценѣ исполненіе этой сцены.

— Для нея требуется очень большая сцена, ска- залъ Гете,—и исполненіе почти не мыслимо.

— А я надѣюсь еще дожить до него, отвѣчалъ я.—Особенно мнѣ нравится слонъ, котораго ведетъ Мудрость; на немъ Побѣда, а по сторонамъ въ цѣ- пяхъ—Страхъ и Надежда. Лучшую аллегорію трудно себѣ и представить.

— То былъ бы не первый слонъ на сценѣ, ска- залъ Гете.—Въ Парижѣ слонъ игралъ цѣлую роль; онъ принадлежитъ къ народной партіи, и снимаетъ у короля съ головы корону и надѣваетъ ее на дру- гого; спектакль, конечно, великолѣпный. Когда, по окончаніи піесы, вызываютъ слона, то онъ выходитъ одинъ, кланяется и уходитъ. Отсюда вы видите, что въ нашемъ маскарадѣ можно разсчитывать на слона. Но въ цѣломъ онъ слишкомъ великъ, и требуетъ такого режиссера, какого не скоро сыщешь.

— Но сцена такая блестящая и произведетъ такое впечатлѣніе, что театру трудно отказаться отъ ея постановки. И какъ все развивается и становится все значительнѣе! Сначала, красивые цвѣточницы и садовники украшаютъ сцену, и затѣмъ образуютъ толпу; такимъ образомъ они составляютъ для слѣ- дующихъ, болѣе значительныхъ выходовъ, и обста- новку, и зрителей. Далѣе, послѣ слона, изъ глу- бины сцены, надъ головами прочихъ, по воздуху несется колесница, запряженная драконами. Далѣе, появленіе великаго Пана, и затѣмъ все, кажется, горитъ и наконецъ огонь дымится и тухнетъ отъ находящихся сырыхъ облаковъ. Если все это будетъ изображено, какъ вы задумали, то публика придетъ въ изумленіе и сознается, что у нея не хватаетъ

ни ума, ни чувства, чтобъ достойно оцѣнить богатство такого представленія.

— Полноте, сказалъ Гете,—оставьте вы эту публику, о которой я слышать не могу. Главное въ томъ, что это написано, и пусть люди справляются съ этимъ, насколько могутъ, и пользуются имъ, насколько съумѣютъ.

Затѣмъ мы говорили о мальчикѣ, который править колесницей съ драконами.

— Вы конечно замѣтили, что подъ маской Плутуса скрывается Фаустъ, а подъ маской Скупости Мефистофель? Но кто же править колесницей?

Я не съумѣлъ отвѣтить.

— Эвфоріонъ! сказалъ Гете.

— Но какимъ образомъ онъ можетъ явиться въ маскарадѣ, когда онъ рождается только въ третьемъ актѣ?

— Эвфоріонъ не человѣческое, а только аллегорическое существо. Въ немъ олицетворяется поэзія, которая не связана ни со временемъ, ни съ мѣстомъ, ни съ лицомъ. Тотъ же духъ, которому въ послѣдствіи вздумается явиться Эвфоріономъ, является теперь въ видѣ этого мальчика; онъ въ этомъ сходенъ съ призраками, которые находятся всюду и могутъ явиться въ любое время.

Воскресенье, 27-го декабря 1829.

Сегодня послѣ обѣда Гете прочелъ мнѣ сцену съ ассигнаціями.

— Вы помните, что государственный совѣтъ кончается тѣмъ, что денегъ нѣтъ, а Мефистофель обѣщаетъ добыть ихъ, сказалъ Гете. — Это дѣло продолжается во время маскарада; Мефистофель устраи-

ваетъ, что императоръ въ маскѣ великаго Пана подписываетъ бумагу, которая получаетъ чрезъ то цѣнность золота, размножается въ тысячу разъ и распространяется. Теперь въ этой сценѣ, объ этомъ обстоятельствѣ говорятъ императору, который самъ еще не знаетъ что сдѣлалъ. Казначей подноситъ ему банковые билеты и объясняетъ, въ чемъ дѣло. Императоръ сначала гнѣвается, но затѣмъ, по ближайшемъ разсмотрѣннн, приходитъ въ большую радость, дѣлаетъ при помощи новыхъ бумажекъ богатые подарки своей свитѣ, и уходя роняетъ нѣсколько тысячъ кронъ, которые подбираетъ толстый шутъ, чтобъ превратить ихъ въ поземельную собственность.

Въ то время, какъ Гете читалъ эту великолѣпную сцену, я порадовался, что ему пришла счастливая мысль приписать изобрѣтеніе бумажныхъ денегъ Мефистофелю, и такимъ образомъ столь знаменательно связать съ драмой и увѣковѣчить одинъ изъ главныхъ современныхъ интересовъ. Едва сцена была прочитана, и мы успѣли поговорить о ней, какъ вошелъ сынъ Гете и подсѣлъ къ намъ. Онъ рассказывалъ, и прекрасно, съ обычной своей наглядностью, о послѣднемъ прочтенномъ имъ романѣ Купера. О прочтенной сценѣ мы ему и не заикнулись, но онъ самъ вскорѣ сталъ говорить о билетахъ прусскаго казначейства и что за нихъ платятъ свыше номинальной цѣны. Я, улыбаясь, взглянулъ на Гете, и онъ также на меня; такимъ образомъ мы дали другъ другу понять, насколько пришлась ко времени прочтенная сцена.

Среда, 30-го декабря 1829.

Сегодня послѣ обѣда Гете прочелъ мнѣ дальнѣйшую сцену.

— Только при императорскомъ дворѣ завелись деньги, сказалъ Гете, — тотчасъ хотятъ позабавиться. Императоръ желаетъ видѣть Париса и Елену, и притомъ требуется, чтобъ они явились лично, при помощи волшебнаго искусства. Но Мефистофель не имѣетъ общенія съ греческой древностью и никакой власти надъ этими лицами, а потому это дѣло поручается Фаусту, и удастся ему вполнѣ. Но что именно Фаустъ долженъ предпринять, чтобъ появленіе стало возможно, еще не вполнѣ окончено, и это мѣсто я прочту вамъ въ слѣдующій разъ. Самое же появленіе Париса и Елены вы услышите сегодня.

Я уже предвкушалъ наслажденіе, и Гете началъ читать. Я видѣлъ, какъ въ старинную рыцарскую залу вошли императоръ и дворъ, чтобъ смотрѣть спектакль. Занавѣсъ подымается, и предо мною на сценѣ греческій храмъ. Появляются: Мефистофель въ суфлерской будкѣ, астрологъ на одной сторонѣ авансцены, и Фаустъ съ треножникомъ на другой. Фаустъ произноситъ должное заклинаніе, и изъ чаши подымаются пары, и въ нихъ появляется Парись. Прекрасный юноша движется при звукахъ эфирной музыки; онъ садится, онъ склоняется, держа руки надъ головой, какъ онъ изображенъ въ древнихъ статуяхъ. Женщины въ восхищеніи и говорятъ о чарующемъ дѣйствіи его юности; мушины его ненавидятъ: въ нихъ онъ возбуждаетъ зависть и ревность, и они унижаютъ его елико возможно. Парись засыпаетъ, и появляется Елена. Она при-

ближается къ спящему и напечатлѣваетъ поцѣлуй на его устахъ; она удаляется, но смотритъ все на него. Въ эту минуту она особенно восхитительна. Она производитъ на мужчинъ то же впечатлѣніе, что Парисъ на женщинъ. Въ мужчинахъ возгарается любовь и они восхваляютъ ее, въ женщинахъ—зависть, ненависть, и онѣ осуждаютъ ее. Фаустъ въ полномъ восторгѣ, и при видѣ вызванной имъ красоты забываетъ время, мѣсто и обстановку; Мефистофель принужденъ ему напомнить, что онъ совсѣмъ вышелъ изъ роли. Между Парисомъ и Еленой обнаруживается склонность и согласіе; юноша обнимаетъ и хочетъ увести ее; Фаустъ хочетъ отнять ее у него, и обращаетъ противъ него ключъ, который держитъ въ рукахъ; происходитъ страшный взрывъ, духи исчезаютъ въ дыму, и Фаустъ, пораженный ударомъ, падаетъ на-земь.

1830.

Воскресенье, 3-го января 1830.

Гете показалъ мнѣ англійскій кипсакъ на 1830 г., съ превосходными гравюрами на мѣди, и нѣсколькими въ высшей степени замѣчательными письмами лорда Байрона, которыя я и прочелъ во время десерта. Самъ же Гете въ это время перелистывалъ и кое-гдѣ прочитывалъ новый французскій переводъ *Фауста*, Жерара.

— Странныя мысли у меня проходятъ въ головѣ, сказалъ онъ,—когда я подумаю, что эта книга те-

перь кое-что значить на языкѣ, царемъ котораго, пятьдесятъ лѣтъ тому, былъ Вольтеръ. Вы не можете имѣть тѣхъ мыслей, которыя теперь во мнѣ; вы не имѣете понятія о томъ значеніи, которое во время моей молодости имѣли Вольтеръ и его великіе современники, и какъ они господствовали въ умственномъ мірѣ. Въ моей біографіи неясно указано, какое вліяніе имѣли эти люди на меня въ юности, и чего мнѣ стоила борьба съ ними, ради того, чтобъ стать на свои ноги и установить правильныя отношенія къ природѣ.

Мы говорили еще о Вольтерѣ, и Гете продекларировалъ поэму *les Systèmes*, изъ чего я заключилъ, какъ въ юности онъ изучалъ подобныя вещи и какъ онъ ихъ усвоилъ.

Переводъ Жерара, хотя сдѣланный большею частию въ прозѣ, Гете хвалилъ, какъ очень удачный.

— По нѣмецки, сказалъ онъ, — я не могъ бы больше читать *Фауста*; но во французскомъ переводѣ онъ мнѣ кажется вновь чѣмъ-то свѣжимъ, новымъ и остроумнымъ. *Faust*, продолжалъ онъ, — нѣчто несоизмѣримое, и всѣ попытки разъяснить его — тщетны. Слѣдуетъ помнить, что первая часть есть произведеніе нѣсколько темнаго состоянія моей личности. Но эта-то темнота и чаруетъ людей, и они мучаются надъ ней, какъ надъ всѣми неразрѣшимыми задачами.

Воскресенье, 10-го января 1830.

Сегодня послѣ обѣда Гете доставилъ мнѣ высокое наслажденіе, прочтя сцену, гдѣ Фаустъ идетъ къ *Матерямъ*.

Меня странно поразила, какъ новость и неожиданность самого предмета, такъ и то, какимъ обра-

зомъ Гете прочелъ эту сцену; я почувствовалъ себя вполне въ положеніи Фауста, и меня, какъ и его, при словахъ Мефистофеля, охватилъ ужасъ. Я слышалъ все прекрасно, я все воспріялъ, но для меня столь многое осталось загадочнымъ, что я почувствовалъ необходимость просить у Гете разъясненія. Но онъ, по своему обычаю, закутался въ таинственность, и глядя на меня большими глазами, повторялъ: «Матери! матери! какъ это странно звучить!»

— Я сообщу вамъ только то, сказалъ онъ затѣмъ,—что я нашелъ у Плутарха, что въ древности о *матеряхъ* говорили, какъ о богиняхъ. Вотъ все, что я заимствовалъ изъ преданія; остальное—мое изобрѣтеніе. Я дамъ вамъ рукопись на домъ, проштудируйте ее хорошенько, и посмотрите, къ чему вы придете.

Я былъ счастливъ, когда еще разъ спокойно перечесть эту замѣчательную сцену; я пришелъ къ слѣдующему заключенію относительно сущности и дѣйствія матерей, а равно относительно ихъ мѣстопребыванія и обстановки.

Еслибъ возможно было себѣ представить внутренность нашего огромнаго земного шара пустой, такъ что внутри его можно бы въ одномъ направленіи сдѣлать сотни миль, не встрѣчая никакого тѣла,—то именно тамъ было бы мѣстопребываніе этихъ невѣдомыхъ богинь, къ которымъ идетъ Фаустъ. Онѣ живутъ какъ бы внѣ всякаго мѣста, потому что вблизи ихъ нѣтъ ничего твердаго; равно онѣ живутъ внѣ времени, потому что ихъ не освѣщаетъ никакая звѣзда, восходъ и заходъ которой возвѣщалъ бы смѣну дня и ночи.

Эти, пребывающія въ вѣчномъ сумракѣ и уеди

неніи, матери суть творящія существа; онѣ — *творящее и охраняющее* начало, изъ коего исходитъ все, что имѣетъ образъ и живетъ на землѣ. Переставъ дышать, существо, какъ нѣчто духовное, возвращается къ нимъ, и онѣ хранятъ его, пока ему не представится случай вновь получить бытіе. Всѣ души и всѣ образы того, что когда-то существовало и будетъ существовать, носятся взадъ и впередъ какъ облака, окружая матерей въ безконечномъ пространствѣ ихъ мѣстопребыванія; поэтому, магъ, имѣющій при помощи своего искусства власть надъ образомъ какого либо существа и желающій вызвать бывшее созданіе къ призрочной жизни, долженъ идти въ ихъ царство.

Вѣчная метаморфоза земного бытія, возникновеніе и возростаніе, разрушеніе и вторичное существованіе, — вотъ въ чемъ непрерывная работа матерей. Во всемъ, что при помощи размноженія получаетъ на землѣ новую жизнь, главнымъ образомъ дѣйствуетъ *женственное*, а потому есть основаніе и эти творящія божества представлять женственными, и называть ихъ досточтимымъ именемъ матерей.

Конечно, все это только поэтическое созданіе, но человѣкъ, въ своей ограниченности, не можетъ проникнуть дальше, и онъ доволенъ, когда найдетъ нѣчто, что успокаиваетъ его. Мы видимъ на землѣ явленія и ощущаемъ дѣйствія, о которыхъ не знаемъ, откуда они приходятъ и куда уходятъ. Мы предполагаемъ нѣкоторый духовный первоисточникъ, нѣчто божественное, о чемъ мы не имѣемъ никакого понятія, чего мы не можемъ выразить; и намъ приходится приблизить къ себѣ и антропоморфизовать это нѣчто, дабы наше предчувствіе, хотя отчасти, получило тѣло и сдѣлалось ощутимымъ.

Таково происхожденіе всѣхъ міеовъ, которые держались столѣтія у разныхъ народовъ; таковъ и этотъ новый міеъ Гете, имѣющій за себя хотя нѣкоторый призракъ согласованія съ природой и который можно поставить наравнѣ съ лучшими, когда либо придуманными міеами.

* Понедѣльникъ, 18-го января 1830.

Гете говорилъ о Лафатерѣ и одобрительно отзывался о его характерѣ. Онъ также рассказывалъ мнѣ нѣкоторые случаи изъ ихъ бывшей близкой дружбы, и какъ въ то время они спали по-братски, на одной постели. «Жаль», добавилъ онъ, «что хилый мистицизмъ такъ скоро остановилъ полетъ его генія».

* Пятница, 22-го января 1830.

Мы говорили объ *Исторіи Наполеона* Вальтеръ Скотта.

«Правда», сказалъ Гете, «можно упрекнуть автора за большія неточности и за большую партійность; но именно оба эти недостатка и придаютъ для меня особую цѣнность его сочиненію. Книга имѣла въ Англіи успѣхъ выше всякаго ожиданія, а отсюда ясно, что книга Вальтеръ Скотта, именно въ ненависти къ Наполеону и французамъ, служитъ вѣрнымъ истолкователемъ и представителемъ англійскаго народнаго мнѣнія и англійскаго національнаго чувства. Его книгу никоимъ образомъ нельзя считать документомъ для французской исторіи: она документъ англійской исторіи. Во всякомъ случаѣ, она представляетъ голосъ, который слѣдовало выслушать въ этомъ важномъ историческомъ процессѣ. Вообще, я люблю слышать о Наполеонѣ противо-

положныя мнѣнія. Я читаю теперь сочиненіе Биньона, которое, повидимому, обладаетъ выдающимися достоинствами».

Воскресенье, 24-го января 1830.

— Я получилъ на дняхъ письмо отъ нашего знаменитаго солепромышленника въ Штоттернгеймѣ, сказалъ Гете;—въ немъ прелюбопытное вступленіе; слѣдуетъ вамъ рассказать объ этомъ. Онъ пишетъ: «Я сдѣлалъ опытъ, который для меня даромъ не пропадетъ». Что же слѣдуетъ за такимъ вступленіемъ? Рѣчь идетъ ни болѣе, ни менѣе какъ о потерѣ по меньшей мѣрѣ тысячи талеровъ. Шахта къ каменной соли идетъ у него по крайней мѣрѣ на тысячу двѣсти футовъ сквозь рыхлую почву; онъ былъ настолько непредусмотрителенъ; что не укрѣпилъ ея по сторонамъ; рыхлая почва осѣла, и рудникъ до того наполнился грязью, что теперь требуются очень значительныя издержки, чтобы извлечь всю грязь. Сверхъ того, потребуется ввести затѣмъ тысячу двѣсти футовъ металлическихъ трубъ, чтобъ предотвратить на будущее время подобное несчастіе. Ему слѣдовало сдѣлать это раньше, и онъ сдѣлалъ бы, еслибъ у такихъ людей не было особой смѣлости, о которой трудно составить себѣ понятіе, но которая, впрочемъ, нужна для того, чтобъ отважиться на подобное предпріятіе. Онъ впрочемъ спокойно перенесъ бѣду и пишетъ, совершенно утѣшенный: «я сдѣлалъ опытъ, который не пройдетъ для меня даромъ». Вотъ человѣкъ, на котораго нельзя не порадоваться; онъ, не жалуясь, снова принимается за дѣло, и его съ ногъ не собьешь. Чтò вы скажете? Не правда ли, мило?

— Это напоминаетъ мнѣ Стерна, отвѣчалъ я,—

который жалуется, что не умѣлъ воспользоваться своими страданіями, какъ разумный человѣкъ.

— Да, это въ томъ же родѣ, отвѣчалъ Гете.

— Я вспоминаю также о Бэришѣ, какъ онъ объяснялъ вамъ, что значить опытъ; я на дняхъ перечелъ именно эту главу¹⁾ вторично. Опытъ есть то, что опытнымъ путемъ приводитъ къ опытности.

— Да, смѣясь сказалъ Гете, — это старыя шутки, на которыя мы позорно тратили время.

— Бэришъ, продолжалъ я, — кажется, былъ прелестный и милый человѣкъ. Какъ остроумна его шутка въ погребкѣ, когда онъ вечеромъ вздумалъ помѣщать молодому человѣку отправиться къ своей возлюбленной, и выполнилъ это самымъ веселымъ образомъ, подвязывая то такъ, то этакъ свою шпагу: всѣ хохотали, и молодой человѣкъ забылъ о часѣ свиданія.

— Да, это было очень остроумно, сказалъ Гете; — въ театрѣ изъ этого могла бы выйти прелестная сцена... да и вообще Бэришъ былъ отличный характеръ для комедіи.

Мы переговорили о всѣхъ чудачествахъ Бэриша, которыя Гете описываетъ въ своей автобіографіи. Его сѣрое платье, гдѣ шелкъ, бархатъ и шерсть отливали разными оттѣнками, и какъ онъ придумывалъ, нацѣпить на себя еще что нибудь сѣрое. Какъ онъ переписывалъ стихи, передразнивалъ наборщиковъ и выставялъ осанку и достоинство каллиграфа. Какъ его любимымъ время-провожденіемъ было лежать на окнѣ, разсматривать прохожихъ, и въ разсказахъ до того переиначивать ихъ одежду,

¹⁾ Въ автобіографіи Гете *Правда и поэзія*, кн. VII.

что было бы очень смѣшно, вздумай люди одѣваться такимъ образомъ.

— А его обычная шутка съ почтальономъ? спросилъ Гете;—какъ она вамъ понравилась? развѣ это не мило?

— Я объ этомъ не знаю; въ вашей автобіографіи ничего объ этомъ не говорится.

— Странно, сказалъ Гете.—Въ такомъ случаѣ надо вамъ ее разсказать. Когда мы, бывало, вмѣстѣ съ нимъ лежали на окнѣ, и Бэришъ видѣлъ, что идетъ писмоносецъ, заходя изъ дома въ домъ, то онъ обыкновенно вынималъ изъ кармана грошъ и клалъ его подлѣ себя на окнѣ. «Видишь писмоносца?» спрашивалъ онъ, поворачиваясь ко мнѣ, «онъ все подходитъ ближе и скоро взойдетъ и къ намъ: ужъ я по глазамъ вижу. У него есть письмо къ тебѣ, и что за письмо!—не простое, а съ векселемъ—съ векселемъ! только не знаю на какую сумму. Видишь, онъ ужъ входитъ. Нѣтъ! Но все равно, сейчасъ придетъ. Вотъ онъ опять. Сейчасъ! Сюда, сюда къ намъ, дружокъ! къ намъ, сюда!.. Какъ, мимо? Какъ глупо! о, какъ глупо! Развѣ можно быть такимъ дуракомъ, и поступать такъ непростительно! Непростительно вдвойнѣ: непростительно относительно тебя, потому что онъ не несетъ тебѣ векселя, который у него въ рукахъ; и совершенно непростительно относительно самого себя, потому что лишаетъ себя грошика, который я для него уже выложилъ, а теперь принужденъ спрятать». Затѣмъ онъ весьма медленно пряталъ деньги въ карманъ, и мы смѣялись.

Мнѣ понравилась эта шутка, весьма похожая на другія его выходки. Я спросилъ Гете, встрѣчалъ ли онъ впослѣдствіи Бэриша.

— Да, видѣлъ, и при томъ вскорѣ послѣ моего переѣзда въ Веймаръ, такъ, въ 1776 году, когда я съ герцогомъ ѣздилъ въ Дессау, куда Бэришъ былъ призванъ изъ Лейпцига въ качествѣ воспитателя наслѣднаго принца. Онъ былъ такой же, какъ прежде, тонкій придворный и весельчакъ.

— Что-жъ онъ сказалъ на счетъ того, что вы за это время такъ прославились?

— Развѣ я тебѣ не говорилъ?—были его первыя слова. Развѣ не умно, что ты тогда не печаталъ стиховъ и поджидалъ, пока напишешь чтонибудь вполне хорошее? Конечно, и тогда были недурныя вещи, потому что иначе я ихъ и не переписывалъ бы. Но еслибъ мы не разлучались, то ты другихъ бы также не напечаталъ; я бы тогда также переписалъ ихъ и онѣ были бы такъ же хороши. Вы видите, что онъ остался, какимъ былъ; его очень любили при дворѣ, и я постоянно видѣлъ его за княжескимъ столомъ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его, въ 1801 году, когда онъ былъ уже старикомъ, но постоянно въ веселомъ расположеніи духа. Онъ жилъ въ очень хорошей комнатѣ во дворцѣ, которая вся была уставлена геранями, на которыя тогда была особая мода. Но ботаники установили между геранями нѣкоторыя отличія и подраздѣленія, и извѣстный сортъ назвали пеларгоніями. Старикъ былъ очень этимъ недоволенъ, и разносилъ ботаниковъ. «Дурачье!» говорилъ онъ, «я думалъ, что у меня вся комната полна геранями, а вотъ являются они и говорятъ: «нѣтъ, это пеларгоніи». А что жъ мнѣ съ ними дѣлать, если это не герани, и зачѣмъ мнѣ пеларгоніи!» Онъ такимъ образомъ ворчалъ полъ часа, и вы видите, что онъ вполне остался такимъ, какъ былъ.

Затѣмъ мы говорили о *Классической Вальпуріевой ночи*, начало которой Гете прочелъ мнѣ нѣсколько дней тому. «Мифологическихъ образовъ, которые хотятъ въ нее втиснуться—несчетное число», сказалъ Гете; «но я дѣйствую осторожно и беру только такіе, которые могутъ произвести требуемое впечатлѣніе. Теперь Фаустъ съ Харономъ, и я надѣюсь, что эта сцена мнѣ удастся. Если я займусь прилежно, то въ два мѣсяца окончу *Вальпуріеву ночь*. Только требуется, чтобъ ничто не отвлекало меня отъ *Фауста*; было-бы странно, еслибъ я дожилъ до его окончанія! А это возможно; пятый актъ почти готовъ, а четвертый напишется ужъ самъ собою».

Затѣмъ Гете заговорилъ о своемъ здоровьѣ, и почиталъ себя счастливымъ, постоянно чувствуя себя хорошо. «За то, что я держусь такъ хорошо, слѣдуетъ благодарить Фогеля: безъ него я давно бы отправился. Фогель какъ бы прирожденный [медики и, вообще, онъ одинъ изъ гениальнѣйшихъ людей, какихъ только мнѣ удалось встрѣтить. Но не станемъ хвалить его; не то онъ будетъ взятъ отъ насъ».

* Понедѣльникъ, 25-го января 1830.

Я принесъ Гете составленный мною списокъ по-
смертныхъ сочиненій Дюмона ¹⁾, который я пригото-
вовилъ въ виду ихъ изданія. Гете весьма внима-
тельно прочелъ его, и былъ по видимому изумленъ
массой знаній, интересовъ и идей, которые слѣдуетъ

¹⁾ Женевецъ Пьеръ-Этьеннъ-Луи Дюмонъ род. 1759 г.; онъ приходился Сорэ двоюроднымъ дѣдомъ. Въ началѣ французской революціи, онъ отправился въ Парижъ, гдѣ былъ въ дружбѣ съ ея вожаками. Съ 1802 г. онъ началъ разрабатывать идеи Іереміи Бентама. Возвратясь въ Женеву, съ 1814 г. онъ былъ членомъ Великаго совѣта. Умеръ 30-го сентября, 1829 г. Женева обязана ему многими учрежденіями.

предположить у автора столь разнообразныхъ и богатыхъ содержаніемъ рукописей.

— Умъ у Дюмона былъ многообъемлющій, сказалъ Гете.—Между предметами, которыми онъ занимался, нѣтъ ни одного, который былъ бы неинтересенъ, или незначителенъ; выборъ предметовъ всегда указываетъ на то, что онъ былъ за человѣкъ и какого духа дитя. Правда, нельзя и требовать, чтобъ человѣческій умъ обладалъ такою универсальностью, что могъ бы равно удачно и съ одинаковымъ талантомъ писать о всѣхъ предметахъ; но, если автору и не все удалось въ одинаковой мѣрѣ, то все же я высокаго мнѣнія о человѣкѣ, который имѣлъ намѣреніе и желаніе обрабатывать всѣ эти предметы. По моему, особенно замѣчательно и цѣнно въ немъ то, что у него всюду господствовало практическое, полезное и доброжелательное направленіе.

Я принесъ ему также первую главу *Путешествія въ Парижъ*, которую и хотѣлъ прочесть, но онъ предпочелъ просмотрѣть ее самъ. Затѣмъ, онъ шутилъ говорилъ о трудности чтенія и о высокомѣріи нѣкоторыхъ людей, которые безо всякой предварительной подготовки, безо всякихъ знаній принимаютъ за чтеніе любого философскаго и научнаго сочиненія, точно это какой-нибудь романъ. «Эти добрые люди и не предполагаютъ, сколько трудовъ и времени стоитъ другому *научиться читать*», сказалъ онъ. «Я на это употребилъ восемьдесятъ лѣтъ, и доселѣ не могу сказать, чтобъ достигъ цѣли».

Среда, 27-го января 1830.

За обѣдомъ у Гете было очень весело. Онъ съ великой хвалой говорилъ о г. фонъ-Марціусѣ. «Его взглядъ на спиральную тенденцію листьевъ въ выс-

шей степени замѣчательнѣ», сказалъ онъ. «Я желалъ бы только, чтобъ онъ выразилъ открытое имъ первоявленіе съ большею смѣлостью, и имѣлъ бы храбрость возвести фактъ въ законъ, не ища слишкомъ далеко его подтвержденія».

Затѣмъ онъ показалъ мнѣ отчетъ гейдельбергскаго съѣзда естествоиспытателей съ оттисками почерковъ; мы рассматривали ихъ, съ цѣлью опредѣлить по нимъ характеры лицъ. «Я очень хорошо знаю, что эти съѣзды не такъ важны для науки, какъ можно бы думать; но они превосходны въ томъ отношеніи, что на нихъ люди узнаютъ другъ друга, и даже, можетъ быть, сближаются; отсюда проистекаетъ, что какое-нибудь новое ученіе замѣчательнаго человѣка будетъ оцѣнено, и онъ, въ свою очередь, будетъ расположенъ узнать и поощрить работу другого въ иномъ направленіи. Во всякомъ случаѣ, видно, что нѣчто дѣлается, и никто не можетъ знать, что изъ этого выйдетъ».

Затѣмъ Гете показалъ мнѣ письмо одного англійскаго писателя со слѣдующимъ адресомъ: *Ею Сіятельству князю Гете*. «Этимъ титуломъ», смѣясь, сказалъ онъ, «я вѣроятно обязанъ нѣмецкимъ журналистамъ, которые изъ чрезмѣрной любви называли меня княземъ нѣмецкихъ поэтовъ. Такимъ образомъ, невинная нѣмецкая ошибка повлекла за собою такую же англійскую».

Затѣмъ Гете воротился къ г. фонъ-Марціусу, и хвалилъ его за то, что онъ обладаетъ воображеніемъ. «Въ сущности», сказалъ онъ, «безъ этого високаго дара нельзя себѣ представить великаго натуралиста. При этомъ я разумѣю не то воображеніе, которое пускается въ туманности и представляетъ себѣ несуществующія вещи, но такую спо-

способность, которая, не покидая почвы земной действительности, идетъ, опираясь на существующее и извѣстное, къ вещамъ, которыя только предчувствуются и предполагаются. Тутъ требуется доказать, что это предчувствуемое возможно и что оно не находится въ противорѣчii съ другими извѣстными законами. Такое воображеніе, разумѣется, предполагаетъ обширный и спокойный умъ, владѣющій знаніемъ живого міра и его законовъ».

Во время разговора принесли пакетъ съ переводомъ драмы *Братъ и сестра* на чешскій языкъ; это, по видимому, сильно порадовало Гете.

* Воскресенье, 31-го января 1830.

Былъ съ визитомъ у Гете въ сопровожденіи принца. Онъ принялъ насъ въ кабинетѣ.

Мы говорили о различныхъ изданіяхъ его сочиненій, причѣмъ я подивился, услышавъ, что у него самого нѣтъ большей части этихъ изданій. Нѣтъ у него и перваго изданія *Римскаго Карнавала* съ гравюрами на мѣди съ его собственныхъ рисунковъ. Онъ сказалъ, что самъ на одномъ изъ аукціоновъ предлагалъ за книгу шесть таллеровъ, но она ему не досталась.

Затѣмъ онъ показалъ намъ первую рукопись *Гетца фонъ-Берлихингенъ*, совершенно въ томъ первоначальномъ видѣ, какъ онъ написалъ его въ нѣсколько недѣль, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, по настоянію своей сестры. Тонкія и высокія черты почерка носятъ уже на себѣ тотъ свободный и ясный характеръ, который съ тѣхъ поръ и до нынѣ сохранился въ его рукописяхъ, написанныхъ нѣмецкимъ шрифтомъ. Рукопись очень чистая; на цѣлыхъ страницахъ нѣтъ

ни одной поправки, и ее можно скорѣе принять за копію, чѣмъ за первый быстрый набросокъ.

Свои первыя произведенія Гете, по его словамъ, всѣ писалъ собственноручно, въ томъ числѣ и *Вертера*, рукопись котораго потеряна. Въ болѣе позднее время онъ почти все диктовалъ, и писалъ собственноручно только стихи и бѣгло набросанные планы. Весьма часто онъ и не думалъ дѣлать снимка съ новаго произведенія; скорѣй, онъ нерѣдко предоставлялъ случаю драгоценныя поэмы, посылая ихъ единственный экземпляръ въ Штуттгартъ для печатанія.

Когда мы осмотрѣли рукопись *Берлихингена*, Гете показалъ намъ оригиналъ *Путешествія въ Италію*. Въ этихъ ежедневно писавшихся наблюденіяхъ и замѣткахъ, рукопись обладаетъ тѣми же хорошими свойствами, какъ и въ *Гетцѣ*. Все имѣетъ признакъ рѣшительности, твердости и вѣрности; поправокъ нѣтъ, и видно, что для пишущаго подробности наблюденія постоянно были свѣжи и ясны. Нѣтъ ничего измѣнчиваго и непостояннаго; перемѣна замѣтна только въ форматѣ и цвѣтѣ бумаги, смотря по городу, гдѣ останавливался путешественникъ.

Въ концѣ рукописи находится остроумный рисунокъ перомъ, сдѣланный Гете; онъ изображаетъ итальянскаго адвоката, который держитъ рѣчь передъ судомъ въ своей парадной должностной одеждѣ. Фигура до того курьезна, что трудно вообразить, а костюмъ до того страненъ, что можно подумать, будто онъ нарядился, чтобъ идти въ маскарадъ. А между тѣмъ то было просто вѣрное изображеніе дѣйствительности. Указательный палецъ лежитъ на концѣ большого, а остальные растопырены; толстый адвокатъ стоитъ спокойно, и это по-

ложеніе весьма идетъ къ огромному парикку, который онъ напялилъ на себя.

Воскресенье, 31-го января 1830.

Обѣдалъ у Гете. Мы говорили о Мильтонѣ. «Я недавно читалъ его *Сампсона*», сказалъ Гете; «драма написана во вкусѣ древнихъ, болѣе чѣмъ какая либо иная піеса новѣйшихъ поэтовъ. Это великая вещь; собственная его слѣпота помогла ему изобразить положеніе Сампсона съ такой правдивостью. Мильтонъ былъ настоящій поэтъ, и къ нему слѣдуетъ относиться съ полнымъ уваженіемъ».

Принесли газеты, и въ берлинскихъ театральныхъ извѣстіяхъ мы нашли, что тамъ въ театрѣ показываютъ морскихъ чудищъ и китовъ.

Гете прочелъ во французской газетѣ *le Temps* статью о жалованьѣ англійскому духовенству, сумма котораго превосходитъ расходъ на тотъ же предметъ во всѣхъ государствахъ. «Утверждали», сказалъ Гете, «что міръ управляется цифрами; я же думаю, что цифры указываютъ на то, хорошо или дурно онъ управляется».

* Среда, 3-го февраля 1830.

Мы говорили о *le Globe* и *le Temps*, а отъ нихъ перешли къ французской литературѣ и литераторамъ.

— Гизо, между прочимъ замѣтилъ Гете, — чело-вѣкъ въ моемъ вкусѣ: онъ солиденъ. Онъ обла-даетъ глубокими знаніями, соединенными съ про-свѣщеннымъ либерализмомъ, который, возвышаясь надъ партіями, идетъ своимъ путемъ. Мнѣ очень любопытно, какую-то роль онъ станетъ играть въ палатѣ, куда теперь избранъ.

— Люди, повидимому знающіе его только поверхностно, возразилъ я,—говорили мнѣ, что онъ нѣсколько педантъ.

— Надо знать, въ какомъ родѣ педантизма упрекаютъ его, сказалъ Гете.—Всѣ замѣчательные люди, обладающіе въ житейскомъ отношеніи извѣстными правилами и основами, которые много думали и не заигрывали съ обстоятельствами, весьма легко въ глазахъ поверхностныхъ наблюдателей могутъ показаться педантами. Гизо человѣкъ съ широкими взглядами, спокойный, твердый; въ виду французской подвижности, его нельзя не цѣнить; онъ именно такой человѣкъ, какой имъ требуется. Вильменъ, можетъ быть, болѣе блестящій ораторъ. Онъ обладаетъ искусствомъ основательно развить идею, у него всегда найдутся блестящія выраженія, которыми онъ приковываетъ вниманіе слушателей и вырываетъ отъ нихъ громкія одобренія; но онъ гораздо поверхностнѣе Гизо и менѣе его практиченъ. Что касается Кузена, то намъ, нѣмцамъ, онъ не можетъ дать много; философія, которую онъ предлагаетъ своимъ соотечественникамъ за нѣчто новое, давно уже у насъ извѣстна. Но для французовъ онъ имѣетъ большое значеніе: онъ даетъ имъ совершенно новое направленіе. Кювье, великій знатокъ природы, изумляетъ своимъ изложеніемъ и стилемъ; никто лучше его не изложитъ факта. Но онъ вовсе не владѣетъ философіей; онъ образуетъ не ученихъ, но неглубокихъ учениковъ.

Мнѣ было особенно интересно слышать всѣ эти отзывы, потому что они весьма подходили ко взглядамъ Дюмона на названныхъ лицъ. Я общалъ Гете выписать изъ рукописи Дюмона соотвѣствующую

шія мѣста, чтобы онъ могъ сличить ихъ при случаѣ со своими собственными мнѣніями.

Разговоръ отсюда перешелъ на отношеніе Дюмона къ Бентаму, и Гете высказалъ слѣдующее:

— Для меня любопытная задача, сказалъ онъ, — какимъ образомъ такой разумный, умѣренный и такой практическій человѣкъ, какъ Дюмонъ, могъ быть ученикомъ и вѣрнымъ почитателемъ этого дурака, Бентама.

— На Бентама, возразилъ я, — въ извѣстной мѣрѣ можно смотрѣть какъ на двойственную личность. Я различаю въ Бентамѣ *гения*, который измышлялъ принципы, извлеченные изъ забвенія и разработанные Дюмономъ, и *страстнаго человѣка*, который изъ чрезмѣрной ревности къ пользѣ переступалъ границы своего собственного ученія и чрезъ это, какъ въ политикѣ, такъ и въ религіи, сталъ радикаломъ.

— Тутъ для меня новая задача, возразилъ Гете, — какимъ образомъ могъ старикъ закончить свою долгую жизнь тѣмъ, что подъ конецъ ея сталъ радикаломъ.

Я старался разрѣшить это противорѣчіе тѣмъ, что Бентамъ, будучи убѣжденъ въ превосходствѣ своего ученія и своего законодательства, и при невозможности ввести ихъ въ Англіи безъ полного измѣненія господствующей системы, тѣмъ легче увлекся своей страстной ревностью, что самъ мало приходилъ въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ и не въ силахъ былъ себѣ представить опасности насильственного переворота.

— Дюмонъ, напротивъ, продолжалъ я, — обладая болѣе яснымъ умомъ и будучи человѣкомъ безстрастнымъ, никогда не одобрялъ сумасбродства Бентама, и былъ далекъ отъ того, чтобы впасть въ подобную

ошибку. Сверхъ того, на его сторонѣ было то преимущество, что онъ прилагалъ принципы Бентама въ странѣ, которая, вслѣдствіе современныхъ политическихъ обстоятельствъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ была страною *новой*, именно въ Женевскомъ кантонѣ, гдѣ все вполнѣ удалось; тутъ счастливый исходъ дѣла доказалъ достоинство принципа.

— Дюмонъ, возразилъ Гете, — былъ умѣреннымъ либераломъ, какимъ и должны быть всѣ разумные люди; я самъ таковъ, и старался дѣйствовать въ этомъ смыслѣ въ теченіе всей своей долгой жизни. Истинный либераль старается, при помощи имѣющихся въ его рукахъ средствъ, сдѣлать столько добра, сколько возможно; но онъ остережется отъ желанія тотчасъ же истребить зло, часто неизбежное, при помощи огня и меча. Онъ старается, при помощи мудраго прогресса, постепенно устранять общественные недостатки, безъ насильственныхъ мѣръ, которыя часто губятъ многое хорошее. Въ этомъ постоянно несовершенномъ мірѣ, онъ довольствуется хорошимъ до тѣхъ поръ, пока время и обстоятельства не поблагопріятствуютъ ему осуществить лучшее.

Среда, 3-го февраля 1830.

Обѣдалъ у Гете. Говорили о Моцартѣ. «Я видѣлъ его семилѣтнимъ мальчикомъ», сказалъ Гете; «онъ проѣздомъ давалъ концерты. Мнѣ самому было лѣтъ четырнадцать, и я еще вполнѣ ясно помню маленькаго человѣка въ напудренныхъ волосахъ и при шпагѣ». Я широко раскрылъ глаза, и мнѣ показалось почти чудомъ, что Гете до того старъ, что могъ видѣть Моцарта ребенкомъ.